Гр. Алексѣй Н. Толстой

Смерть Дантона

Трагедія

Изданіе
Южно-Русскаго О-ва
Печатнаго Дѣла
1919

СМЕРТЬ ДАНТОНА

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ О-ВА

ВЪ ОДЕССѢ.

(Translation of Preface to Tolstoi's "Death of Danton"):-

Before writing this play I made use, in addition to the historical material, of the drama of that well-known name: Büchner. Out of it was taken for my plan the first three scenes and the concluding words of the woman Camille.

The inspiration, and subsequently the pathos of my play, was experienced in tribulations already passed through in our even more bloody and terrible revolution.

Count A. N. Tolstoi

Odessa, Sept. 25, 1918.

При написанiи этой пьесы я пользовался, кромѣ историческаго матерьяла, пьесой того же названiя — Бюхнера. Изъ нея былъ взятъ мною планъ первыхъ трехъ сценъ и заключительныя слова жены Камилла.

Побужденiемъ, а затѣмъ и паѳосомъ моей пьесы — было переживанiе въ образахъ давно минувшаго нашей еще болѣе кровавой и страшной революцiи.

Гр. Алексѣй Н. Толстой.

Одесса, 25 сентября 1918 года.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Дантонъ — вождь монтаньяровъ, министръ юстиціи, членъ Комитета Общественнаго Спасенія, вдохновитель обороны Франціи, первый организаторъ террора — борьбы съ внутренними врагами революціи и индифферентными; сентябрская рѣзня, происшедшая при его участіи, если не прямо имъ устроенная (исторія не даетъ точнаго отвѣта), спасла и затѣмъ погубила революцію, была постоянной кровоточивой раной, началомъ режима казней; всѣ великіе дѣятели революціи, всѣ великія идеи захлебнулись въ этой крови. Дѣйствіе трагедіи застаетъ Дантона отошедшимъ отъ дѣлъ. Онъ недавно женился на шестнадцатилѣтней дѣвушкѣ Луизѣ Жели, обвѣнчавшись съ нею у неприсягнувшаго священника, подлежавшаго по его же закону смертной казни, и живетъ въ Севрѣ. Этимъ затишьемъ воспользовался Робеспьеръ, чтобы нанести ударъ.

Луиза — жена Дантона.

Робеспьеръ — членъ Комитета Общественнаго Спасенія, вождь якобинцевъ, покрывшихъ клубами всю Францію и занимавшихъ во всѣхъ трибуналахъ и обоихъ Комитетахъ главныя мѣста. Сухой, теоретически мыслящій, несмѣлый, но разсчетливый человѣкъ съ непреклонной волей и незапятнанной нравственностью. Франція обязана ему подавленіемъ анархіи въ Парижѣ и въ провинціяхъ. Его орудіемъ была гильотина. Дантонъ разнуздалъ страсти, чтобы обрушить ихъ на внѣшняго врага, Робеспьеръ обезкровилъ ихъ и заставилъ успокоиться Францію, оледенивъ ее ужасомъ.

Камиллъ Демуленъ — членъ Конвента, пылкій патріотъ, журналистъ, первый сорвавшій въ Пале-Роялѣ съ каштана зеленый листъ и прикрѣпившій его къ шляпѣ въ знакъ революціи, надежды, свободы, грядущаго счастья.

Люси — его жена.

Сенъ Жюстъ — ученикъ Робеспьера, философически настроенный, женоподобный, красавецъ юноша. Членъ Комитета Общественнаго Спасенія, одинъ изъ коммисаровъ арміи, жестокій, неумолимый и кровавый.

Колло д'Эрбуа — членъ Комитета Общественнаго Спасенія, бывшій актеръ.

Фукье Тенвилль — публичный обвинитель, назначенный на это мѣсто по настоянію Камилла Демулена.

Германъ — предсѣдатель революціоннаго трибунала, основаннаго Дантономъ въ разгарѣ борьбы съ жирондистами.

Геро де-Сешель, Филиппо, Лакруа, Лежандръ — члены Конвента, друзья Дантона.

Симонъ — ремесленникъ.

Жена Симона.

Мари — бывшая аристократка, въ ея дому нѣчто вродѣ игорнаго салона для друзей.

Розалія, Жанна — уличныя куртизанки.

Женщина въ шали.

Хромая.

Накрашенная женщина.

Нинонъ.

Торговка.

Вязальщица Робеспьера.

Ліонецъ — депутатъ отъ Ліонскаго клуба якобинцевъ.

Первый гражданинъ.

Второй гражданинъ.

Гражданинъ съ книжкой.

Гражданинъ въ парикѣ.

Сторожъ въ трибуналѣ.

Сторожъ въ тюрьмѣ.

Молодой человѣкъ.

Обыватели, солдаты, палачи и др.

Дѣйствіе происходитъ въ Парижѣ въ 1794 году.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Высокая комната. Потолки, гобелены, простѣнки и портьеры — поношенная и запущенная роскошь времен Людовика XIV. Картина Давида и нѣсколько современныхъ гипсовыхъ уродливыхъ статуй. Въ роскошныхъ канделябрахъ нѣсколько свѣчей. Античная свѣтильня. Безпорядокъ и неряшество. Остатки пиршества. За карточнымъ столомъ Геро де-Сешель, Мари, Камиллъ Демуленъ. Въ сторонѣ Луиза и Люси. Въ окнѣ невидимый за портьерой стоитъ Дантонъ.

Геро. Посмотрите на этотъ палецъ. Понимаете, что онъ хочетъ сказать?

Мари. У него плаксивное выраженіе попрошайки.

Геро. Вы угадали.

Мари. Вы предпочитаете объясняться въ любви при помощи пальцевъ?

Геро. Увы, да. Мой языкъ до такой степени истрепанъ, что я не могу заставить его произносить любовныя слова. Вмѣсто „люблю" онъ говоритъ — смерть; вмѣсто „я васъ хочу" онъ говоритъ — осуждаю; вмѣсто „моя возлюбленная" онъ говоритъ — вдова.

Мари. Бѣдный языкъ.

Камиллъ. Кто первый назвалъ гильотину вдовой?

Геро. Народъ.

Камиллъ. Народъ иногда бываетъ остроуменъ. Я сдаю.

Мари. Люси, спой еще разъ про умирающую собачку. Это очаровательно и трогаетъ до слезъ.

Люси. Камиллъ, ты будешь слушать меня?

Камиллъ. Я готовъ слушать тебя всегда, днемъ, ночью, моя маленькая сирена. (Встаетъ, приноситъ ей арфу). Пой, Люси. Когда ты поешь — я чувствую огромное счастье жизни. Я вѣрю, что скоро запоетъ вся земля, все освобожденное, ликующее человѣчество. Я всегда думаю объ этомъ, когда ты поешь.

Люси. Когда я пою — думаю только о тебѣ. (Онъ ее цѣлуетъ).

Геро. Камиллъ все еще говоритъ о музыкѣ и о человѣчествѣ, потому что онъ журналистъ. Но все же я предпочту, чтобы онъ началъ излагать мысли при помощи пальцевъ. Революція должна кончиться, и наконецъ-то мы перестанемъ навязывать другъ другу каждый свою глупость. Никто не долженъ мѣшать другому жить. Оставьте человѣчество въ покоѣ. (Щелкнувъ картами). Мари, сегодняшняя ночь моя?

Мари. Можетъ быть.

Геро. Смотрите, я бью вашу королеву.

Люси начинаетъ пѣть. Всѣ слушаютъ, бросивъ карты. Входитъ Филиппо.

Филиппо. Добрый вечеръ!

Геро. А! гражданинъ Филиппо!

Камиллъ. Филиппо, ты былъ у якобинцевъ? Почему у тебя такіе мрачные глаза? Или дурныя вѣсти съ границы? Или опять ты встрѣтилъ Робеспьера?

Геро. Зевсъ, увидѣвъ Алкивіада съ опрокинутымъ лицомъ, спросилъ его: не потерялъ ли ты, Алкивіадъ, свой щитъ на полѣ брани? Или побѣжденъ на Олимпійскихъ играхъ? Вы — упрямые классики, господа республиканцы. Это не приведетъ къ добру.

Филиппо. Сегодня опять упало двадцать головъ.

Геро. Ну и что же — дождикъ помѣшалъ тебѣ смотрѣть, какъ они падали?

Люси. Кого казнили сегодня?

Камиллъ. Гебертистовъ. Когда нечего было больше осквернять — гебертисты бросились къ могиламъ. Они выбрасывали трупы королей изъ древнихъ склеповъ въ яму съ известью, и трупы отомстили имъ сегодня. Гебертисты захлебнулись въ своей собственной мерзости.

Филиппо. Ихъ послали на гильотину только потому, что они были атеистами.

Геро. Ого!

Филиппо. Комитетъ Общественнаго Спасенія, граждане — Робеспьеръ, Сенъ-Жюстъ и Кутонъ

становятся слишкомъ щепетильны. Сегодня я понялъ -- опасность грозитъ намъ. Она гораздо ближе, чѣмъ мы объ этомъ думаемъ.

Геро. Это называется — производить генеральную чистку. За революцію накопилось слишкомъ много мусора. Робеспьеръ съ метелкой изъ перьевъ, Сенъ-Жюстъ со щеткой, Кутонъ съ ведромъ кипятка. Скоро Франція заблеститъ, какъ мѣдная кастрюля.

Камиллъ. Или, какъ топоръ гильотины.

Филиппо. Но доколѣ же барахтаться въ этой крови, играть въ кегли отрубленными головами! Какъ воздухъ, необходимъ законъ о всеобщемъ помилованіи. Пора, наконецъ, осуществить республику. Она написана, но лежитъ подъ ключемъ у Робеспьера. Нами долженъ править законъ, а не самоуправство.

Геро. Каждый долженъ жить такъ, какъ онъ хочетъ,— это прежде всего. А затѣмъ, друзья мои, я полагаю, что революція завершила кругъ, какъ змѣя, и ужалила сама себя въ брюхо.

Камиллъ. Государственное устройство должно быть прочной, но легкой одеждой. Ничто не должно стѣснять свободы движеній. Каждое біеніе кровеносныхъ сосудовъ, движеніе мускуловъ, малѣйшій трепетъ жизни—долженъ немедленно и свободно осуществляться. А на насъ хотятъ напялить власяницу кастрата. Я протестую, я требую прежде всего красоты! Я хочу розъ на нашихъ кудряхъ, пѣнящихся бокаловъ, олимпійскихъ игръ, вакханокъ, опьяняющихъ губъ! Франція слишкомъ пре-

красна, чтобы рядить ее въ грязныя и окровавленныя лохмотья. Я хочу видѣть ее обнаженной и сіяющей, какъ античное божество. (Оборачиваясь къ окну). Дантонъ, ты долженъ поднять бурю въ Конвентѣ.

Геро. Дантонъ, попробуй еще разъ взгромоздить себѣ на плечи Францію. И отнеси ее куда-нибудь подальше отсюда. Здѣсь слишкомъ грязно. Мари, не подсматривайте въ мои карты.

Филиппо. Дантонъ, ты долженъ начать дѣйствовать. Ты долженъ выступить въ Конвентѣ. Народъ на твоей сторонѣ, онъ придетъ въ ярость при первомъ звукѣ твоего голоса. Если ты будешь медлить еще хоть недѣлю — мы погибли.

Дантонъ (выходитъ изъ глубины окна). Что я долженъ? Дантонъ, ты долженъ! Дантонъ, иди рычать въ Конвентъ! Дантонъ, до полночи осталось пять минутъ, спѣши, — или республика погибнетъ. Сколько бы мы не протестовали, напиши мы тысячу декретовъ, отруби сто тысячъ головъ— солнце въ положенный ему часъ взойдетъ на востокѣ и закатится на западѣ. (Подходитъ къ Луизѣ). Дитя, ты молчишь все время, какъ испуганный заяцъ. (Садится у ея ногъ). Тебѣ все еще жутко и дико подумать, что ты—жена Дантона, кровожаднаго чудища, чьимъ именемъ пугаютъ дѣтей. И вотъ они опять зовутъ меня: Дантонъ, ты слишкомъ заспался на колѣняхъ у миленькой женщины, иди и потрясай Францію. Дитя, все это только слова, — все, что мы тутъ говоримъ: у революціи свои законы, а насъ она выбрасываетъ, какъ щепки

иногда, на поверхность и затѣмъ опять туда, въ омутъ. Изъ всѣхъ могилъ, какія мнѣ суждены, тебя, Лу-Лу, я люблю больше всего. Покойнѣе всего заснуть на твоихъ колѣняхъ.

Луиза. Ты усталъ, Жоржъ, у тебя утомленные, печальные глаза.

Дантонъ. Положи на нихъ руку.

Камиллъ. Если ты хочешь остановиться на серединѣ пути, Дантонъ, — зачѣмъ же ты начиналъ борьбу. Это малодушіе.

Дантонъ. Бороться — нужно убивать. А я усталъ проливать кровь. Я далъ слово этому ребенку стать простымъ добрымъ буржуа. Да, я усталъ. Въ этомъ мое преступленіе. Робеспьеръ еще борется, дѣйствуетъ, барахтается въ этой грязи, потому что вѣритъ въ силу идей и словъ. А впрочемъ и онъ не вѣритъ. Вретъ. Мы всѣ лжемъ.

Филиппо. Тебѣ нужно бѣжать.

Дантонъ. Куда? За-границу? Ты думаешь, я смогу унести родину на подошвахъ башмаковъ?

Люси. Но развѣ опасность такъ велика?

Геро. У меня третій день болитъ шея отъ этихъ разговоровъ.

Камиллъ. Въ Шарантонѣ на обѣдѣ у Паниса мы устроили встрѣчу его съ Робеспьеромъ. Хотѣли ихъ помирить, и, конечно, ничего изъ этого не вышло. Робеспьеръ сказалъ: «хорошими гражданами не могутъ считаться тѣ, кто хочетъ разоружить республику въ разгарѣ борьбы, и тѣ,

кто хочетъ быть снисходительнымъ и милосерднымъ».

Люси. Это правда, Дантонъ?

Дантонъ (поднимается). Они не посмѣютъ тронуть меня. Мой часъ еще не настал. Пусть поберегутся. (Идетъ къ двери). Прощайте.

Луиза. Ты уходишь?

Дантонъ. У меня болитъ голова. Мнѣ надоѣла политика. Неужели нѣтъ мѣста на землѣ, гдѣ бы можно забыть на минуту самого себя. (Въ дверяхъ). Робеспьеръ попрекнулъ меня сентябрской рѣзней. Я далъ ему понюхать вотъ эту ладонь. Пахнетъ? Чѣмъ? Кровью? А я только что надушилъ ее духами моей жены. (Уходитъ).

Камиллъ. Онъ будетъ бороться.

Филиппо. Я чувствую — онъ, какъ левъ, весь въ напряженіи готовится къ прыжку.

Луиза (Люси). Если бы вы знали — какой онъ странный всѣ эти дни. Я боюсь съ нимъ говорить.

Люси. Въ какое время, въ какое страшное время приходится жить!

Геро. Въ какое страшное время приходится кончать партію. Я сдаю. Мари, когда вы вздумаете обнять меня за шею — будьте осторожны: моя голова держится слишкомъ непрочно.

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Узенькая улица въ Парижѣ. Перекрестокъ. Фонарь.

Симонъ (бьетъ по спинѣ жену). Вѣдьма! Дьяволъ въ юбкѣ! Я тебя живой не оставлю! Такъ ты и знай!

Жена. Помогите! Помогите! (Выбѣгаютъ нѣсколько человѣкъ).

Голоса. Убиваютъ? Женщину убиваютъ? Симонъ! Симонъ! Разнимите ихъ!

Жена. Охъ! Убилъ!

Симонъ. Оставьте меня, римляне! Я хочу расколотить ей башку. Она весталка!

Жена. Я весталка? Граждане, онъ у меня заплатитъ за такія слова.

Симонъ. Я сорву съ нея платье! Я ее въ грязь втопчу!

Первый гражданинъ. Что случилось?

Симонъ. Гдѣ моя дочь? Пусть она скажетъ, — гдѣ моя дѣвочка? Нѣтъ, она теперь уже не дѣвочка, ты слышишь, окаянная вѣдьма! Не дѣвочка

и не дама и не женщина... я бы сказалъ, кто теперь моя дочь...

Второй гражданинъ. Дѣйствительно, помолчи немного.

Симонъ. Замолчи, старый Виргилій, прикрой лысую голову. Римляне, дайте мнѣ ножъ! (Валится на землю).

Жена. Симонъ, Симонъ, что ты! Онъ, граждане, очень хорошій человѣкъ, но слишкомъ чувствительный, особенно, когда напьется.

Второй гражданинъ. Надо отнести его въ домъ.

Симонъ. Она пьетъ кровь у меня изъ сердца.

Первый гражданинъ. Что у васъ произошло? Я спрашиваю.

Жена. Моя дочь, видите ли, добрая дѣвушка, кормитъ и поитъ своихъ родителей. Она, видите ли, пошла на улицу...

Симонъ. Ага, ты призналась!

Жена. Ахъ ты, Іуда. Если бы молодые господа не оставляли у нашей дочери своихъ панталонъ, въ чемъ бы ты ходилъ, я спрашиваю? Чьи на тебѣ штаны, Симонъ? Пьяница. Ахъ, ты мошенникъ! Дочь на него работаетъ... негодяй.

Симонъ. Дайте мнѣ ножъ, римляне!

Первый гражданинъ (обращаясь къ толпѣ, съ паѳосомъ). Ножъ нуженъ не для твоей несчастной дочери, Симонъ, а для тѣхъ, кто покупаетъ ея тѣло.

Голоса. Вѣрно... вѣрно.

Первый гражданинъ. Горе бездѣльникамъ, развратничающимъ съ вашими дочерьми! Горе богачамъ, крадущимъ у васъ послѣдній грошъ! Вы голодны... Вы подыхаете безъ хлѣба и мяса, а когда протягиваете руку за милостыней — эти богачи, эти негодяи говорятъ — продайте намъ вашихъ дочерей. Вотъ для кого нуженъ ножъ, а не для этой несчастной!

Голоса. Хорошо сказалъ. Правильно. Рѣзать! Рѣзать!

Второй гражданинъ (протискивается впередъ). Граждане, намъ говорили — дворяне пьютъ народную кровь, и мы повѣсили аристократовъ. Намъ сказали — жирондисты заставляютъ народъ голодать, — мы отрубили головы жирондистамъ. Но мы еще хуже дохнемъ отъ голоду. У насъ нѣтъ дровъ. Нѣтъ сахару. Кто воспользовался нашими трудами? Кто? Долой тѣхъ, кто наживается на нашемъ несчастьи! Долой богачей! Смерть всѣмъ кто одѣтъ не въ лохмотья!

Голоса. Смерть! Смерть!

Второй гражданинъ. Смерть всѣмъ, кто выше насъ!

Первый гражданинъ. Смерть всѣмъ, кто умѣетъ читать и писать!

Голоса. Смерть, смерть! Браво. Правильно. (Тащатъ молодого человѣка).

Голоса. У него носовой платокъ! Носовой платокъ! Это аристократъ! На фонарь! На фонарь!

Второй гражданинъ. Какъ, онъ сморкается въ носовой платокъ? На фонарь!

Молодой человѣкъ. Господа...

Первый гражданинъ. Здѣсь нѣтъ никакихъ господъ. Здѣсь санкюлоты. На фонарь! (Спускаютъ фонарь, поютъ „Ça ira“).

Молодой человѣкъ. Пощадите!

Первый гражданинъ. Не умоляйте насъ о милосердіи, гражданинъ, мы гораздо васъ милосерднѣе; я вамъ сейчасъ объясню: вы убиваете насъ медленно непосильной работой и голодомъ, а мы убиваемъ васъ въ нѣсколько секундъ. Надѣвайте веревку, чего съ нимъ разговаривать!

Молодой человѣкъ. Чортъ съ вами, вѣшайте меня на фонарь, если вамъ отъ этого станетъ свѣтлѣе. (Смѣхъ въ толпѣ).

Голоса. Молодецъ! Хорошо сказалъ. Браво! Отпустите его.

Второй гражданинъ. Граждане, нельзя..

Входитъ Робеспьеръ.

Робеспьеръ. Что здѣсь происходитъ, я спрашиваю, граждане?

Голоса. Робеспьеръ. Робеспьеръ. Тише.

Второй гражданинъ. А вотъ что происходитъ: сентябрская кровь не дала намъ счастья, гильотина мало рубитъ головъ. Робеспьеръ, мы требуемъ, чтобы былъ кровавый потопъ.

Первый гражданинъ. Дай намъ хлѣба.

Голоса. Хлѣба, хлѣба, хлѣба! (Молодой человѣкъ, оставленный толпою, убѣгаетъ).

Робеспьеръ. Именемъ закона...

Второй гражданинъ. Какой законъ? Что такое твой законъ?

Робеспьеръ. Законъ — это воля народа.

Второй гражданинъ. Мы народъ и мы не хотимъ никакихъ законовъ. Значитъ это и есть законъ, чтобы не было никакихъ законовъ. Къ чорту всѣ законы! Смерть всѣмъ....

Вязальщица Робеспьера (женщина съ растрепанными полусѣдыми волосами, съ дикимъ, краснымъ лицомъ. Одѣта въ рваную юбку и шаль. Въ рукахъ вязанье). Слушайте, что вамъ отвѣтитъ Робеспьеръ. Слушайте неподкупнаго.

Первый гражданинъ. Пусть онъ намъ обѣщаетъ никакихъ законовъ и хлѣба.

Вязальщица Робеспьера. Слушайте, слушайте судію... Слушайте, слушайте Мессію. Онъ призванъ управлять народами. Въ его рукѣ мечъ справедливости.

Робеспьеръ. Добрый народъ! Ты честно исполняешь свой долгъ. Ты своими руками вырываешь изъ почвы плевелы зла. Народъ, ты великъ! Ты проявляешь себя въ громѣ и молніи. Но ты не долженъ обращать силу и гнѣвъ на самого себя. Тебя можетъ погубить собственная ярость, и это знаютъ твои враги. Народъ, твои законодатели бодрствуютъ, они направляютъ твои руки, ихъ глаза во тьмѣ различаютъ твоихъ враговъ. Идите

къ якобинцамъ. Идите къ якобинцамъ. Мы примемъ васъ, какъ братьевъ. Мы устроимъ кровавый судъ надъ нашими общими врагами.

Голоса. Къ якобинцамъ! Къ якобинцамъ! Да здравствуетъ Робеспьеръ!

Народъ расходится. Робеспьеръ идетъ въ сторону противоположную и видитъ Дантона, который присутствовалъ при всей предыдущей сценѣ.

Робеспьеръ. А, это ты, Дантонъ. Въ Парижѣ, давно ли?

Дантонъ. Съ утра.

Робеспьеръ. Изъ Севра?

Дантонъ. Да, изъ Севра.

Робеспьеръ. Говорятъ, что ты весело живешь въ Севрѣ. У тебя богатый домъ, и много друзей собираются каждый вечеръ.

Дантонъ. Что это, допросъ?

Робеспьеръ. Можетъ быть. (Уходитъ).

Дантонъ (громко захохоталъ). Римлянинъ! Каково? Юлій Цезарь!

Симонъ. Кто сказалъ — римлянинъ? (Поднимается). А, это ты, Дантонъ. Я радъ опять тебя видѣть.

Дантонъ. Какъ живешь, Симонъ?

Симонъ. Плохо. Я только что избилъ жену. Клянусь Юпитеромъ, не я ее билъ, это былъ не

мой кулакъ, колотило ее мое отчаяніе, моя тоска. Мнѣ скучно, Дантонъ. Я сталъ много пить. Слушай, я прочелъ въ газетахъ, что ты воротишь направо. Ты становишься милосерднымъ. Берегись, Дантонъ. Я любовался тобой въ сентябрѣ, ты былъ великъ. Ты былъ въ крови вотъ такъ, по уши.

Дантонъ. Грязное животное! (**Толкаетъ его и уходитъ**).

Симонъ. Берегись, Дантонъ, берегись...

КАРТИНА ТРЕТЬЯ.

Внутренность готической церкви. На мѣстѣ алтаря — трибуна, передъ нею столъ, кругомъ скамьи — амфитеатромъ. Сверху, въ старинной люстрѣ зажженныя свѣчи. На трибунѣ Лежандръ. Ліонецъ кричитъ съ мѣста.

Ліонецъ. Ліонскіе братья послали узнать, — почему вы медлите съ казнями. Неужели вы забыли, что такое Ліонъ? Грязное пятно на картѣ Франціи. Только разрушивъ городъ до основанія, устроивъ массовыя казни, вы снимите съ него позоръ. Ваше преступное милосердіе убиваетъ революцію. Знайте: свободный вздохъ хотя бы одного аристократа — предсмертное хрипѣніе свободы. Знайте: если въ васъ мы не найдемъ должной жестокости — мы будемъ справляться своими средствами.

Голоса. Да здравствуютъ ліонскіе якобинцы! Позоръ, позоръ.

Лежандръ (Ліонцу). Вы кончили? Граждане, республиканцы и братья! Еще разъ повторяю: намъ нѣтъ нужды обращать взоръ къ Ліону. Здѣсь въ Парижѣ, въ очагѣ революціи живутъ люди,

которые носятъ шелковыя платья, разъѣзжаютъ въ каретахъ и въ ложахъ театра разговариваютъ изысканнымъ языкомъ.

Голоса. Позоръ, позоръ!

Лежандръ. Эти люди только съ недавняго времени начали поднимать голову. О чемъ думаетъ Комитетъ Общественнаго Спасенія? Я спрашиваю: куда направленъ его взоръ?

Колло д'Эрбуа (съ мѣста). А я спрашиваю тебя, Лежандръ: знаешь ли ты, кто даетъ примѣръ этимъ франтамъ, этимъ распутникамъ, набивающимъ на революціи кошельки. Кто вдохновляетъ этихъ грабителей народнаго достоянія? Знаешь имя этого человѣка? (Пауза). Успокойся— у Комитета Общественнаго Спасенія зоркіе глаза.

Робеспьеръ. Прошу слова.

Голоса. Слушайте неподкупнаго!

Робеспьеръ (четко стуча каблуками взбѣгаетъ на трибуну. Онъ небольшого роста, въ бѣломъ парикѣ, открывающемъ костлявый лобъ, въ коричневомъ опрятномъ сюртукѣ, въ рукѣ — трубочкой свернутая рукопись). Мы ждали только криковъ возмущенія, чтобы начать дѣйствовать, и вотъ слышу уже не крики, а набатъ. Да, наши глаза были открыты, мы видѣли, какъ врагъ вооружался, и мы дали ему возможность занять позицію. Теперь онъ весь на виду, каждый ударъ вонзится ему въ сердце.

Лакруа (Лежандру). Ты понимаешь, о комъ онъ говоритъ?

Лежандръ. О врагахъ республики.

Лакруа. Нѣтъ. Ты слушай, слушай.

Робеспьеръ. Я уже говорилъ вамъ, что внутренніе враги республики раздѣляются на два лагеря. Одинъ изъ этихъ лагерей, безбожники и анархисты, уничтожены. Геберъ позорилъ великую революцію, онъ казненъ, я повторяю. Но пока еще ничего не сдѣлано, чтобы уничтожить второй лагерь. Но кто они? Кто эти новые враги? Вы хотите знать ихъ имена? Это люди, пресыщенные развратомъ и излишествами. Они хотятъ благополучія, во что бы то ни стало. Они кричатъ о милосердіи. Требуютъ отмѣны смертныхъ казней. Ихъ боевой лозунгъ — помилованіе. Они хотятъ смягчить сердца народа, обезсилить его и бросить подъ ноги короля. (Шумъ на скамьяхъ, голоса: „О комъ онъ говоритъ? Это новый заговоръ!"). Народъ призванъ возстановить справедливость и безпощадно уничтожить порокъ. Орудіе такого народа — республика. Оружіе республики — страхъ. Сила республики — ея добродѣтель. Но добродѣтель невозможна безъ суровости и страха, внушаемаго ею. Безпощадность къ пороку, терроръ — есть чистота республики. Насъ называютъ деспотами. Но если вы деспотическимъ терроромъ уничтожите враговъ свободы — васъ прославятъ, какъ спасителей. Кричатъ — амнистія роялистамъ. Что? Помилованіе измѣникамъ? Нѣтъ! Только благонамѣренному республиканцу должна быть дана защита. Казнить угнетателей человѣчества — вотъ милосердіе! (Голоса: браво, браво). Притворной чувствительностью мы помогаемъ врагамъ, стоящимъ на нашихъ границахъ. Мало того — эти люди заражаютъ

пороками всю націю, отравляютъ священные источники силъ. Вотъ это и есть опасное, лукавое и страшное покушеніе на свободу. Это адскій планъ! Быть можетъ, онъ зародился безсознательно въ мозгу человѣка, но здѣсь дѣло не въ умыслѣ, опасность все равно остается грозной. Порокъ въ республикѣ не только моральное, но политическое преступленіе. И тѣмъ опаснѣе порочный человѣкъ, чѣмъ значительнѣе услуги, оказанныя имъ когда то республикѣ. (**Пауза, Робеспьеръ пьетъ воду**).

Лакруа (**Лежандру**). Ты понимаешь? Слушай, слушай. Это чудовищно!

Робеспьеръ. Вы легче меня поймете, если подумаете о тѣхъ, кто еще недавно жилъ на чердакѣ, а сегодня разъѣзжаетъ въ каретахъ, развратничаетъ съ бывшими маркизами и дворянками. Кто покупаетъ загородныя виллы, нанимаетъ кучи лакеевъ, устраиваетъ великолѣпные завтраки и ужины, гдѣ пожирается много хлѣба. Кто носитъ шелковый камзолъ и женится на богатой. Кто живетъ, какъ принцъ крови (**повысивъ голосъ**), *но только крови, пролитой въ сентябрѣ.* (**Пауза**). Я спрашиваю, почему до сихъ поръ не отрублены руки, тянущіяся къ народной казнѣ? Довольно! Портретъ готовъ. Будь спокоенъ, добродѣтельный народъ, и вы, добрые патріоты: никакихъ соглашеній съ людьми, для которыхъ республика только средство для спекуляціи, а революція ремесло. И вы, братья ліонцы, вернитесь и скажите, что мечъ закона не заржавѣлъ въ рукахъ того, кому вы его передали. Мы покажемъ республикѣ великій и страшный примѣръ.

Бурныя рукоплесканія. Робеспьеръ спускается съ трибуны и уходитъ, захвативъ портфель, дѣловитой и мелкой походкой. Публика тѣснится къ проходамъ.

Лакруа (Лежандру). Теперь ты понялъ — о комъ говорилъ Робеспьеръ?

Лежандръ. Да.

Лакруа. Вы бросили народу анархистовъ, сейчасъ бросаете ему самую страшную жертву. Но народъ все такъ же, босой, голодный и разъяренный, будетъ бѣгать по улицамъ и требовать хлѣба, мяса и водки. Гильотина не можетъ остановиться. И увидишь, скоро самъ Комитетъ Общественнаго Спасенія — вы — сложите головы на Площади революціи.

Лежандръ. Послушай, гдѣ Дантонъ?

Лакруа. Въ Парижѣ. Лежандръ, Лежандръ, зачѣмъ ты началъ сегодня говорить!

Лежандръ. Пойдемъ, нужно его увидѣть во что бы то ни стало.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Пале-Рояль. Уголокъ открытаго кафе. У столика сидитъ Геро де-Сешель, грызетъ набалдашникъ палки. Проходятъ мужчины и женщины.

Геро (проходящей дѣвушкѣ). Послушай, Антигона. Совѣтую тебѣ разодрать пошире дыру на юбкѣ, тогда будетъ видно все бедро, сверху и до колѣна. (Дѣвушка, засмѣявшись, убѣгаетъ). А, Нинонъ. Поди-ка, поди поближе. Что это у тебя на шеѣ?

Нинонъ. Маленькая гильотина, это подарокъ Ренэ. Она изъ золота, подумай.

Геро. Итакъ,—ты стала якобинкой.

Нинонъ. Вся наша секція третьяго дня перешла къ якобинцамъ. Послушай, Геро, я тебѣ говорю, какъ честная женщина, уходи изъ Горы, переходи къ якобинцамъ. У тебя слишкомъ красивая голова, чтобы ей рисковать.

Геро. Ну, вотъ, я тебя сейчасъ за это поцѣлую.

Нинонъ. Ничего не имѣла бы противъ, но не могу, я должна быть вѣрной моему Ренэ. Про-

щай. Бѣгу къ венсенской заставѣ; говорятъ, тамъ продается хлѣбъ. Представь: всего только сто су за фунтъ. (Ушла).

Геро (въ догонку). Нинонъ, когда Ренэ будетъ сытъ по горло, не забудь принести и мнѣ кусочекъ сладкаго пирога.

Появляется Дантонъ, держа за плечи Розалію и Жанну.

Дантонъ. Вотъ онѣ. Вотъ эти дѣвченки. Вотъ — эти дріады изъ Тюльери. Я бѣгалъ за ними, какъ фавнъ. Представь, чѣмъ они занимались: Розалія кормила воробьевъ, называла ихъ по именамъ: Филемонъ, Вольтеръ, Бриссо...

Розалія. Врешь, я не говорила Бриссо. Въ іюлѣ я сама подавала голосъ за казнь жирондистовъ.

Дантонъ. А Жанна читала подъ тѣнью каштановаго дерева Новую Элоизу, поднявъ верхнюю юбку, потому что сидѣла въ травѣ.

Геро. Дѣвочки, привѣтствую васъ. Я и мой другъ Дантонъ рѣшили съ сегодняшняго дня оставить въ покоѣ политику и какъ можно ближе подойти къ лону природы; мы долго обдумывали и, наконецъ, пришли къ наиболѣе естественному и натуральному способу сближенія съ природой.

Жанна. Розалія, что они хотятъ съ нами дѣлать?

Розалія. Я думаю, что мы будемъ играть въ животныхъ. Мы будемъ козами, а они козлами.

Дантонъ (смѣется). Жанна, ты будешь водой, океаномъ; я буду молніей, падающей въ пучину. Изъ воды и огня рождается жизнь. (Наливаетъ вино, пьетъ).

Жанна. А гдѣ мы будемъ играть?

Дантонъ (смѣется). О, мы уѣдемъ за городъ. Мы поселимся между скалъ и водопадовъ. Мы будемъ ходить голыми среди кустарниковъ и древнихъ гробовъ.

Жанна (живо). Ай, клянусь тебѣ: Розалія днемъ ни за что не согласится снять платье.

Геро. Этому я никогда не повѣрю.

Розалія (Жаннѣ). Почему это я не соглашусь, моя милая? Скажи, скажи, у меня кривыя ноги или отвислый животъ? Или торчатъ, какъ у тебя, лопатки?

Жанна. Пожалуйста, не кричи. Мои лопатки знаетъ весь Парижъ.

Дантонъ. Браво, Жанна.

Геро. Дѣвочки, больше ни одного слова. Пейте.

Дантонъ (Жаннѣ). За эти полгода съ твоимъ лицомъ произошла какая то перемѣна.

Жанна. Правда.

Дантонъ. Оно стало похожимъ на фиговый листъ.

Геро. Жанна, прикрой имъ свою невинность. (Жанна хохочетъ).

Жанна. Только не фиговымъ листомъ, нѣтъ, нѣтъ.

Розалія. Еще вина.

Геро. И вѣнки изъ розъ. Мы сейчасъ закажемъ.

Дантонъ. Вѣнки изъ апельсиновыхъ цвѣтовъ. И пусть они будутъ сдѣланы изъ воска. Жанна, (беретъ ея руку) — посмотри на этотъ нѣжный атласъ и синія жилки. Ты никогда не думала, что эти синія жилки — дороги для червей.

Жанна (выдергиваетъ руку) Оставь меня.

Дантонъ. Вѣдь, въ сущности, мы, сидящіе вчетверомъ здѣсь, давно мертвые. Жанна, это такъ. Мы только грезимъ о жизни. Прислушайся къ словамъ, къ звуку голоса, взгляни на солнечный свѣтъ — слышишь, какъ голосъ звучитъ издалека, какъ все — сонъ? Поэтому — да здравствуетъ вино: въ немъ истина. Это знали еще греки. Вино и твоя горячая кожа, Жанна. Это плѣнительнѣйшій изъ обмановъ.

Входитъ Лакруа, садится подлѣ у столика, опирается на трость и озабоченно смотритъ на Дантона и Жанну.

Лакруа. Я такъ и зналъ, что найду тебя въ Пале-Роялѣ, Дантонъ.

Дантонъ (протягивая руку). Добрый день, добрый день, Лакруа.

Геро. Мы нашли отличное вино и пьемъ его вчетверомъ изъ двухъ стакановъ, чтобы оно было еще нѣжнѣе на вкусъ. Твое здоровье, Лакруа.

Лакруа. Послѣ того, что говорятъ въ клубахъ, я бы не сталъ на виду у всѣхъ днемъ такъ проводить время. Сейчасъ у воротъ торчали два санкюлота, они показывали пальцами на васъ съ явной злобой. Все это очень неосторожно.

Жанна. Намъ можетъ быть лучше уйти?

Розалія. Скажите, и мы уйдемъ сейчасъ же.

Дантонъ. Сидите и пейте вино. Лакруа, ты сѣлъ и мрачно завернулся въ тогу. Ну, бросай меня съ торпейской скалы. Только скорѣе: этой дѣвченкѣ не терпится подобрать мои останки и прикрыть ими невинность.

Лакруа. Будь добръ, подсядь ко мнѣ. (Дантонъ подсаживается къ его столику). Сообщеніе крайней важности.

Дантонъ. О!

Лакруа. Я только-что изъ клуба якобинцевъ. Лежандръ пошелъ искать тебя въ Люксембургъ. Хотя онъ, кажется, совсѣмъ переходитъ къ террористамъ, но покуда у него еще осталась капля совѣсти.

Дантонъ. Ну?

Лакруа. Лежандръ призывалъ къ избіенію франтовъ и богачей. Колло д' Эрбуа требовалъ сорвать маски. Ліонцы прочли чудовищную прокламацію, съ нея такъ и валились сгустки крови. Все это дало прекрасный поводъ Робеспьеру спустить собакъ.

Дантонъ. На кого?

Лакруа. На тебя.

Дантонъ. Ого! Такъ онъ—осмѣлился?

Лакруа. Дантонъ, кровь должна пролиться, иначе Комитетъ Общественнаго Спасенія попадетъ на фонарь. Они сами въ паникѣ. Сейчасъ у нихъ дѣло идетъ только о своей собственной шкурѣ. Имъ нужна очень тяжелая голова.

Дантонъ. Они не посмѣютъ этого сдѣлать.

Лакруа. Дантонъ, ты мертвый святой. Народъ выкинулъ въ яму останки королей и вышвырнулъ священные сосуды; неужели, думаешь, онъ остановится передъ твоими мощами?

Дантонъ. Но мое имя? Ты забываешь—Дантонъ.

Лакруа. Ты сталъ умѣреннымъ. Ты остановился среди бѣшенно несущагося потока людей, тебя сомнутъ и растопчутъ безъ сожалѣнія. Народъ выдастъ тебя, какъ отступника.

Дантонъ. Народъ, какъ дитя; чтобы узнать, что скрыто внутри вещи—онъ ее разбиваетъ. Чтобы оцѣнить генія—онъ его замучаетъ и казнитъ сначала, и потомъ воздвигнетъ памятникъ. Это старая истина, конечно. Хочешь вина?

Лакруа. Робеспьеръ построилъ обвиненіе на томъ, что ты предался разврату, порокамъ и обогащенію.

Дантонъ. Въ этомъ есть тоже доля истины. Вообще, Лакруа, ты говоришь сегодня, какъ Сократъ. Ты едва не заставилъ меня быть серьезнымъ. Жанна, иди же сюда. Оставъ въ покоѣ Геро, съ него хватитъ и одной Розаліи. (Жанна

подходитъ). У тебя нѣтъ настоящей философской мысли, дѣвочка. Тебѣ нравится прекрасный профиль, холодный взглядъ, изящныя руки. Отъ всего этого еще больнѣе, дѣвочка. (Сажаетъ ее на колѣни). Чѣмъ красивѣе мужчина, тѣмъ ты больше будешь страдать. Я тебя научу, какъ нужно любить. Люби уходящее солнце, — оно страшное, огромное, заливаетъ кровью полъ неба, и въ небѣ начинаются чудеса заката. Люби его въ минуту смерти, оно погружается въ ночь. Люби смертельно раненаго льва. Передъ смертью онъ кричитъ такъ, что далеко, далеко страусы со страху прячутъ головы въ песокъ, нильскія коровы лѣзутъ въ тростники, а у крокодиловъ начинается нервная зѣвота. Люби только ослѣпительный взрывъ жизни.

Геро. Браво, это очень мило сказано. Ты становишься мудръ, Дантонъ.

Дантонъ. Я полагаю, что можно было чему-нибудь научиться за четыре года революціи.

Входятъ Камиллъ и Люси. Люси останавливается въ отдаленіи, Камиллъ подходитъ къ Дантону, кладетъ ему руку на плечо.

Камиллъ. Я только-что говорилъ съ Робеспьеромъ. (Дантонъ встаетъ и отходитъ съ Камилломъ къ Люси).

Дантонъ (подходя къ Люси). Люсиль сегодня необычайно хороша. Прекрасная Люсиль. (Цѣлуетъ ея руки). Гордость Парижа. Украшеніе республики.

Л ю с и. Я смертельно волнуюсь, Дантонъ.

К а м и л л ъ. Робеспьеръ сказалъ, что ради свободы и ради сохраненія республики онъ пожертвуетъ всѣмъ: собой, братьями и друзьями.

Л ю с и. И добавилъ, что онъ не шутитъ.

К а м и л л ъ. Я знаю у него выраженіе лица, когда онъ рѣшится на что-нибудь, стиснувъ зубы.

Л ю с и. Дантонъ, вы должны къ нему пойти.

Д а н т о н ъ. Идти къ нему, зачѣмъ?

Л ю с и. Вы не имѣете права рисковать собой. Вы не имѣете права рисковать головой моего мужа.

К а м и л л ъ. Люси, о чемъ ты говоришь?

Л ю с и. Я говорю, какъ женщина. Быть можетъ — это преступленіе — не знаю. Дантонъ, вы хотите, чтобы я бросилась передъ вами на колѣни.

Д а н т о н ъ. Дорогая моя Люси. Успокойтесь. Я все сдѣлаю.

Л ю с и. Правда?

Д а н т о н ъ. Я сдѣлаю это хотя бы только для того, чтобы синія глазки не наливались слезами. Идите домой.

К а м и л л ъ. Ты, значитъ, рѣшилъ увидѣться съ нимъ?

Д а н т о н ъ. Я обѣщалъ это твоей женѣ. (Возвращается къ столику. Камиллъ и Люси уходятъ).

Л а к р у а. Ты начинаешь дѣйствовать, да?

Д а н т о н ъ. Кажется. Но мнѣ противно.

Жанна (Дантону). Твои глаза погасли. У тебя совсѣмъ холодныя губы. А! Я что-то начинаю понимать.

Дантонъ. Ровно за полъ секунды до смерти ты поймешь все. Ты поймешь даже вѣчность, Жанна. Чортъ возьми, сколько мы потеряли времени на глупые разговоры. Политика никогда ни къ чему доброму не приводила, вотъ вамъ доказательство. (Смотритъ на часы). Черезъ часъ я вернусь, друзья. Розалія, поручаю тебѣ Жанну, ты отвѣчаешь за нее головой.

Розалія. Не дала бы за нее въ закладъ и старой юбки.

Лакруа (идя за Дантономъ). Могу я проводить тебя?

Дантонъ. До крыльца Робеспьера. Если ты занесешь въ мемуары день и часъ, когда Дантонъ поднялся по семи ступенямъ лѣстницы величія — тогда идемъ.

КАРТИНА ПЯТАЯ.

Комната Робеспьера. Простая, дешевая и только необходимая обстановка. Очень чисто. Полки съ книгами и рукописями. Повсюду портреты Робеспьера. Гипсовый бюстъ Руссо. Робеспьеръ у письменнаго стола. Дантонъ стоитъ.

Робеспьеръ. Враги республики еще не истреблены. На мѣсто казненныхъ появляются новые. Время успокоенія еще не настало.

Дантонъ. Покуда гильотина работаетъ, враги будутъ плодиться. Это самообманъ, кровавый миражъ,—враги! Уничтожь все населеніе Франціи и послѣдній оставшійся человѣкъ покажется тебѣ самымъ страшнымъ врагомъ. Террор должен кончиться, онъ не уничтожаетъ, а плодитъ враговъ.

Робеспьеръ. Тебя ослѣпила сентябрская кровь, Дантонъ, ты плохо видишь. Мы не можемъ не только прекратить, но даже на одинъ день ослабить террора. Революція еще не кончена.

Дантонъ. Ложь! Когда пали жирондисты и федераты—революція кончилась. Сейчасъ идетъ борьба за власть.

Робеспьеръ. Кончилась революція политическая и началась соціальная революція. Ты этого никогда не могъ понять, Дантонъ. Ты былъ вершиной уже давно оконченной и изжитой политической революціи. Ты остался далеко позади.

Дантонъ. Народу нуженъ миръ и успокоеніе. Онъ стонетъ отъ твоихъ теоретическихъ выкладокъ.

Робеспьеръ. Народу нужно изжить всю толщу тысячелѣтней несправедливости, осуществить всѣ вожделѣнія до конца. Когда черезъ залу Конвента пройдетъ послѣдній жалобщикъ, неграмотный батракъ, и скажетъ: я доволенъ,— тогда революція кончится. Настанетъ золотой вѣкъ справедливости и добродѣтели.

Дантонъ (**прошелся и сѣлъ**). И ты надѣешься дожить до этого времени, Робеспьеръ?

Робеспьеръ. Нѣтъ, этого я не увижу.

Дантонъ. Но ты вѣришь въ него?

Робеспьеръ (**поднялся, отошелъ**). Не знаю. Я долженъ вѣрить.

Дантонъ (**захохоталъ**). И ты еще вѣришь въ то, что вотъ этими руками держишь возжи соціальной революціи и направляешь одну человѣческую волну за другой черезъ залу Конвента, гдѣ эта сволочь утоляетъ свои классовыя вожделѣнія. Ты постигъ историческіе законы, выводишь формулы, перомъ на бумагѣ вычисляешь сроки и ставишь точки. Математика, логика, философія. До чего самонадѣянъ человѣческій разумъ. Когда ты

идешь по улицѣ, на тебя показываютъ пальцами и говорятъ: вотъ депутатъ изъ Арраса, вотъ неподкупный, онъ отрубитъ головы всѣмъ булочникамъ и раздастъ намъ хлѣбъ даромъ. Но въ тотъ часъ, когда ты ошибешься въ формулѣ, въ одной только цифрѣ, и окажется, что булочниковъ вѣшать не нужно — толпа тебя растерзаетъ. Не ошибись, Робеспьеръ.

Робеспьеръ. Можетъ быть я ошибусь и заплачу за это головой, но мной руководитъ нравственная чистота, справедливость и разумъ. Я постигаю темный ходъ человѣческой исторіи, эти девять валовъ прибоя. Изъ нѣдръ народа поднимаются валы одинъ за другимъ и разбиваются о твердыню государственной власти. Ихъ гонитъ голодъ и неутоленныя страсти. Только высокій разумъ, постигнувъ, можетъ овладѣть этой темной стихіей. И такіе люди, какъ ты, жадные до наслажденія, понимающіе революцію чувственно—полезны въ ея началѣ и вредны въ концѣ. Мы должны безпощадно бороться съ чувственностью, съ порокомъ и съ утверждающей себя личностью. Иначе страсти превысятъ мѣру и поглотятъ и насъ, и государство, и народъ. Я откровенно говорю съ тобой, Дантонъ. Твои заслуги велики. Было время, когда ты поднялъ на плечи Францію и вынесъ ее изъ ада. Я слѣдилъ за тобой. Я многаго опасался, и мои опасенія оправдались: ты, какъ минотавръ, лежишь сейчасъ, объѣвшись крови и мяса, твоя сила ушла въ наслажденіе пищеваренія. Твой духъ погасъ. Ты дремлешь, закрывъ глаза. Скоро твое тѣло начнетъ издавать отвратительное зловоніе. Дан-

тонъ, бываютъ времена, когда чувственность — государственная измѣна.

Дантонъ. Или ты сошелъ съ ума или пьянъ. Я проломлю тебѣ голову канделябромъ! (Встаетъ). Какъ ты говоришь со мной? Или думаешь — я пришелъ просить пощады?

Робеспьеръ. Да, Дантонъ, ты пришелъ просить у меня пощады.

Дантонъ. Я растопчу, если пожелаю, и тебя и весь Комитетъ, какъ гнилую рѣдьку. За моей спиной народъ, вся Франція.

Робеспьеръ. Ты ошибаешься. За твоей спиной...

Дантонъ. Ну...

Робеспьеръ. Палачъ. (Пауза).

Дантонъ. Слушай, Робеспьеръ, я хочу жить. И ты когда-нибудь поймешь это слово: жить. Не мѣшай мнѣ. Не заставляй меня опять пачкать руки. Я не хочу больше крови. Меня мутитъ отъ убійствъ. Ты хочешь быть диктаторомъ. Будь, чортъ съ тобой. Но оставь въ покоѣ революцію. Не вонзай глубже шпоры. Ты уже и такъ пропоролъ ей брюхо до кишекъ.

Робеспьеръ. Наше свиданіе окончено.

Дантонъ (беретъ его за отвороты сюртука). Ты понимаешь, какъ просто можно повернуть колесо революціи...

Робеспьеръ (холодно). Ты можешь сейчасъ совершить величайшее государственное преступленіе, Дантонъ.

Дантонъ. Не бойся. Я брезгливъ.

Входитъ Сенъ Жюстъ.

Сенъ Жюстъ. Ты не одинъ?

Робеспьеръ (быстро). Сенъ Жюстъ! Не уходи.

Дантонъ. Мы встрѣтимся въ Конвентѣ. Прощай. (Робеспьеръ наклоняетъ голову, Дантонъ уходитъ).

Робеспьеръ. (Сенъ Жюсту). Ты пришелъ во время. Я задыхался. Это грязное животное дышалъ на меня смрадомъ похоти и разлагающейся крови. Народный вождь. Мерзавецъ! Сенъ Жюстъ, а если скажутъ, что онъ бросалъ слишкомъ большую тѣнь на меня? Его привыкли представлять исполиномъ. Но ты вѣришь мнѣ? Я честенъ? Я справедливъ? Я долженъ быть неумолимъ?

Сенъ Жюстъ (холодно). Да, тебѣ я вѣрю, Робеспьеръ.

Робеспьеръ. И все же меня что-то удерживаетъ. Мнѣ представляется — изъ его отрубленной шеи должно хлынуть такое количество крови... столько крови... Развѣ за этимъ шелъ я къ власти? Ты знаешь мою душу, Сенъ Жюстъ. Я долженъ сойти съ ума. Я просыпаюсь на зарѣ и слушаю птицъ. Я начинаю думать о тѣхъ людяхъ, кто воспользуется плодами нашего времени, вижу тѣнистыя рощи, веселыхъ дѣтей, красивыхъ женщинъ съ колосьями въ загорѣлыхъ рукахъ, мужей, радостно взрыхляющихъ тучную землю. Затѣмъ я случайно протягиваю руку къ ночному столику и подъ пальцами ощупываю листъ бумаги, списокъ

тѣхъ, кто на сегодня долженъ быть казненъ. И внизу я пишу — Максимиліанъ Робеспьеръ.

Сенъ Жюстъ (ледянымъ голосомъ). Во имя свободы.

Робеспьеръ. Да. Остановиться нельзя. Но даже въ кварталѣ Сентъ Антуанъ рабочіе ворчатъ, видя телѣжки съ осужденными. Ожиданіе и ужасъ достигли такого напряженія, что многіе стали доносить на самихъ себя. День торжества отдѣляютъ отъ насъ трупы... трупы... трупы. И съ каждымъ шагомъ ихъ больше. Сенъ Жюстъ, всю жизнь мнѣ была ненавистна смертная казнь.

Сенъ Жюстъ. Ты боленъ. Тебѣ нуженъ отдыхъ. Ты медлишь, и мы теряемъ всѣ выгоды наступленія. (Послѣ молчанія, рѣзко). Дантонъ долженъ быть казненъ.

Робеспьеръ. Ты такъ думаешь? Но это нужно хорошо обсудить. Онъ не дастся намъ безъ борьбы.

Сенъ Жюстъ. Мы созовемъ на торжественное засѣданіе Конвентъ и оба Комитета. Я буду говорить. Я обвиняю въ томъ, что эти революціонеры продолжаютъ дѣло разрушенія, тогда какъ должно остановиться и создать твердую власть. Я обвиняю ихъ въ легкомысліи. Въ проскрипціонный списокъ будутъ внесены четырнадцать человѣкъ: Дантонъ, Геро де-Сешель, Лакруа, Филиппо, Камиллъ Демуленъ...

Робеспьеръ. Камиллъ? Онъ не опасенъ.

Сенъ Жюстъ. Онъ слишкомъ болтливъ.

Робеспьеръ. Хорошо. Эту кровь я беру на себя. Обвинительный актъ написанъ?

Сенъ Жюстъ (вынимаетъ рукопись). Черновикъ.

Робеспьеръ. Я просмотрю. Иди. Ты правъ. Нужно торопиться. Оставь меня одного. (Сенъ Жюстъ уходитъ). Мужества. Мужества! (Садится къ столу и беретъ перо). Жалости нѣтъ, и совѣсть моя спокойна.

КАРТИНА ШЕСТАЯ.

Бульваръ. На скамейкѣ Симонъ съ газетой. Проходятъ нѣсколько мужчинъ и женщинъ.

Торговка (съ телѣжкой). Арико вэръ, арико, арико ко... (Женщины подходятъ къ ней). Пожалуйте, пожалуйте, гражданки. Осталось вотъ только, все продала.

Женщина въ шали. Почемъ за ливръ?

Торговка. Дорого. Подумайте-ка сами — вотъ продала на восемьдесятъ франковъ, сейчасъ поѣду покупать дочери кашемиру на юбку, да чулокъ маленькому, да мужу табаку, вотъ у меня и останется двѣнадцать франковъ, а нужно еще масла, да соли, а хлѣба мы вторую недѣлю не видѣли. Съ каждымъ днемъ все труднѣе жить. А телѣжку-то я вѣдь тащу на себѣ изъ Версаля, съ часа утра не ѣла и не присаживалась. Нашъ огородъ въ Тріанонѣ, подъ самыми окнами проклятой австріачки; тамъ раньше былъ цвѣтникъ, а теперь мы съ мужемъ бобы разводимъ, сельдерей и рѣдьку. Превосходные овощи.

Женщина въ шали. Быть можетъ вы немного уступите мнѣ? Моя дѣвочка со вчерашняго дня не ѣла.

Накрашенная женщина. Всѣ, всѣ съ голоду скоро подохнемъ. Будь я проклята!

Хромая женщина. Вотъ она наша свобода: умирать съ голоду.

Накрашенная женщина. И они еще запрещаютъ заниматься нашимъ ремесломъ. Я сказала — пусть мнѣ отрубятъ голову, а я буду ходить по улицамъ. Я хочу ѣсть.

Хромая женщина. Скоро, скоро придетъ и имъ чередъ, вотъ увидите.

Торговка (хромой). Подождите-ка, гражданка, что-то ваше лицо мнѣ знакомо.

Хромая (выдергивая у нея конецъ своего платка). Пусти, не смѣй меня хватать.

Торговка. Она! Я ее знаю! Это аристократка! У нея былъ домъ въ Версали. Она роялистка... шпіонка!

Симонъ (подходитъ). Раскаркались. Вороны. Кышъ! Что такое случилось?

Торговка. Позовите сюда полицейскаго комиссара. Я добрая республиканка, я требую, чтобы ее арестовали. Я не допущу, чтобы аристократки шатались по Парижу.

Симонъ. Ого! Вотъ оно что! Заговорщики! Пойдемте-ка всѣ къ комиссару.

Накрашенная женщина. Врете вы всѣ. Я не позволю трогать хромую, она тряпичница. Тогда и меня берите вмѣстѣ съ ней.

Симонъ. А ты кто?

Накрашенная женщина. Кто я? Кто я, ты спрашиваешь? Я проститутка.

Симонъ. Ахъ, чортъ васъ возьми, да здѣсь васъ цѣлая шайка. (Машетъ рукой). Эй, граждане, солдаты! (Выходятъ двое солдатъ). Помогите-ка мнѣ этихъ бабъ отвести полицейскому комиссару.

Нѣсколько женщинъ выбѣжало изъ толпы, опрокинули тележку съ овощами.

Торговка. Пускай пропадаютъ мои бобы, я иду къ комиссару.

Накрашенная женщина. Я хочу ѣсть, отрубите мнѣ голову, черти проклятые!

Хромая (вырываясь). Господи, смилуйся надо мной. Господи, услышь меня!

Симонъ. Не услышитъ, мы ему законопатили уши поповской рясой. (Солдаты смѣются).

Хромая. Будь ты проклятъ! (Плюетъ на Симона).

Солдаты уводятъ ее и накрашенную женщину, торговка идетъ съ ними. Симонъ сзади размахивая газетой.

Симонъ (гражданину въ парикѣ). Вотъ тебѣ примѣръ, почему республиканецъ долженъ проводить двадцат четыре часа на улицѣ: каждую минуту вспыхиваютъ контръ-революціонные заговоры. А ты читалъ сегодняшній декретъ?

Гражданинъ въ парикѣ. Какой? О чемъ?

Симонъ (развертывая газету). Нищета объявлена священной. Отнынѣ государство преклоняетъ колѣни передъ рубищемъ бѣдняка. Какія времена! Философскія времена! Благороднѣйшія времена! За одинъ этотъ декретъ можно, не дрогнувъ, отрубить полъ милліона головъ, вотъ что я тебѣ скажу. (Уходитъ).

Гражданинъ въ парикѣ (другому гражданину съ книжкой). Послушай, Пьеръ, куда ты спѣшишь?

Гражданинъ съ книжкой. Куда я иду? Можетъ быть къ букинисту.

Гражданинъ въ парикѣ. Идемъ въ Конвентъ. Говорятъ, тамъ сегодня выступаетъ Дантонъ. Говорятъ -- его голова сейчасъ на волоскѣ; будетъ бой.

Гражданинъ съ книжкой. Я бы хотѣлъ промѣнять моего Цезаря на Анакреона. Я присмотрѣлъ превосходнѣйшее изданіе сорокъ третьяго года, съ помѣтками на поляхъ, (оглядывается, шопотомъ) съ собственноручными помѣтками короля.

Гражданинъ въ парикѣ. Ну, я бы не сталъ держать у себя такую книжку.

Гражданинъ съ книжкой (дѣлая ручкой). До вечера въ кафе.

Они уходятъ. Женщина въ шали, возвратившаяся къ опрокинутой телѣжкѣ, собираетъ бобы; входятъ Дантонъ и Камиллъ.

Камиллъ. Филиппо говорилъ въ секціи о надвигающейся диктатурѣ. Его слушали превос-

ходно. Я увѣренъ въ побѣдѣ. Въ рабочихъ кварталахъ твое имя звучитъ, какъ набатъ. (Смотритъ на часы). Ты выступишь послѣ перерыва?

Дантонъ. Очевидно.

Камиллъ. Вчера я сдалъ блестящую статью Черезъ нѣсколько часовъ она выйдетъ и увидишь, какъ закричитъ весь Парижъ.

Дантонъ (подходитъ къ женщинѣ съ шалью и номогаетъ ей собирать бобы). Могу я вамъ помочь?

Женщина съ шалью. Вы очень добры. (Показывая бобы въ концѣ платка). Какъ вы думаете — здѣсь не больше двухъ ливровъ?

Дантонъ. Ни въ коемъ случаѣ не больше двухъ ливровъ.

Женщина въ шали. Я положу деньги на телѣжку. Но я положу меньше, чѣмъ она просила за два ливра. У меня нѣтъ денегъ. Моя дѣвочка такъ голодна, что эта женщина проститъ меня, какъ вы думаете?

Дантонъ. Ручаюсь. Какъ васъ зовутъ?

Женщина въ шали. Шарлотта.

Дантонъ. Это имя мало популярно въ республикѣ, но вы искупаете его красотой.

Женщина въ шали. Развѣ я красива. Что вы. Я такъ подурнѣла, что сама себя не узнаю. Только моя дѣвочка и зоветъ меня красивой.

Дантонъ. Гдѣ вы живете?

Женщина въ шали. Вотъ въ томъ отелѣ, на углу. Видите на балкончикѣ бѣлое платьеце — это моя дочь.

Дантонъ. Я васъ провожу. Шарлотта, много мужчинъ любили васъ?

Женщина въ шали. Меня любилъ только одинъ человѣкъ — мой мужъ.

Дантонъ. Онъ на войнѣ? Живъ? Убитъ?

Женщина въ шали. Да, онъ убитъ. Его убили напрасно. Онъ былъ поэтъ. Онъ могъ быть гордостью Франціи. Я сама, одна, вотъ этими руками вытащила его тѣло изъ цѣлой горы изрубленныхъ труповъ. А онъ могъ быть гордостью Франціи.

Дантонъ (хрипло). Когда это было?

Женщина въ шали. Моего мужа убили въ сентябрѣ, въ сентябрскую рѣзню. Убійцы будутъ прокляты, я знаю. Эта кровь ихъ задушитъ.

Входитъ Люси и садится около мужа на скамью.

Дантонъ. И вы тоже, какъ и всѣ, увѣрены, что рѣзню устроилъ Дантонъ?

Женщина въ шали. Не знаю, кто ее устроилъ. Но я видѣла убійцъ. Они воткнули въ землю факелы, сидѣли на теплыхъ еще трупахъ и пили водку съ порохомъ. У нихъ были черныя, почернѣвшія, морщинистыя лица. Этого забыть нельзя.

Дантонъ. Не все ли равно, отъ чего умереть — отъ ножа убійцы, отъ гильотины или отъ старости. Отъ старости — хуже всего — медленно и скучно. И стоитъ ли бороться за жизнь? Унизи-

тельно, когда человѣкъ цѣпляется окоченѣвшими пальцами за край ладьи,—хочется ударить его весломъ. Я провожу васъ до отеля. Не бойтесь, я не кинусь на васъ и не стану цѣловать—у меня все время на губахъ вкусъ крови, должно быть я прикусилъ щеку. (Они уходятъ).

Люси (мужу). Онъ опять ушелъ.

Камиллъ. У него какое то жуткое влеченіе къ женщинамъ. Онъ сажаетъ ихъ на колѣни, разсматриваетъ руки, шею, лицо, глаза, точно грѣется ихъ теплотой. Посмотри, какъ онъ тяжело ступаетъ, какъ согнуты его плечи. Въ немъ какое то страшное оцѣпенѣніе. И все-таки, Люси, онъ самый прекрасный изъ звѣрей во всемъ свѣтѣ.

Люси (прижимается). Мой милый, мой дорогой.

Камиллъ. Моя Люси.

Люси. Я тебя люблю, какъ никогда, Камиллъ, люблю тебя до слезъ. Вчера ты ушибъ руку, и я вся задрожала отъ жалости и горя. Подумай, Камиллъ, а если смерть?

Камиллъ. Нѣтъ, этого не можетъ быть.

Люси. Да, этого не можетъ съ нами случится. Поцѣлуй меня.

Входитъ Лакруа.

Лакруа. Гдѣ Дантонъ?

Камиллъ. Засѣданіе началось?

Лакруа. Все кончено. Я предупреждалъ. Онъ медлилъ, и вотъ. Чортъ его возьми, пьяницу, обжору. Приказано арестовать Дантона и меня и еще кого то... Поди и скажи ему. Я иду домой. Наплевать, смерть, такъ чортъ съ ней — смерть. (Уходитъ).

Люси. Камиллъ, мнѣ страшно.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ.

Тамъ же. Вечеръ. На бульварѣ пусто. Сидитъ Дантонъ.

Дантонъ. Лу-Лу, это ты?

Луиза. Это я, Жоржъ, не бойся. (Появляется; садится рядомъ съ нимъ). Жоржъ, не бойся. Если даже тебя арестуютъ,— они не посмѣютъ поднять руку на самаго великаго человѣка во Франціи.

Дантонъ. Я не боюсь, я сижу спокойно.

Луиза. Сейчасъ была у Демуленъ. Камиллъ и Люси разстроены. Люси плачетъ, уговариваетъ его пойти къ Робеспьеру. Вѣдь они школьные товарищи. Робеспьеръ крестилъ у нихъ маленькаго. Въ это время пришелъ какой то депутатъ, сказалъ, что тебя ищутъ повсюду, по всему Парижу. Жоржъ, Жоржъ!

Дантонъ. Нѣтъ, я не хочу прятаться, ни эмигрировать; безполезно. Сейчасъ опускалось солнце, и моя тѣнь добѣжала до конца бульвара. Вотъ истинный размѣръ моего тѣла. Его не спрячешь. Когда человѣкъ выростаетъ до такихъ раз-

мѣровъ, онъ долженъ стоятъ неподвижно. Еще вѣрнѣе вотъ что: я весь оцѣпенѣлъ. Это не безсиліе, не лѣнь, посмотри. (Вытягиваетъ руку). И сердце бьется хорошо. Я весь точно проросъ корнями. Когда иду — мнѣ трудно отдирать отъ земли подошвы. Мнѣ хочется только одно — лечь на землю и заснуть. Да, Лу-Лу, невозможно отвратить топоръ гильотины. Онъ упадетъ, если назначено ему упасть, на мою шею.

Луиза. Да хранитъ тебя Пречистая Матерь Божія. Жоржъ, молись со мною. Твой разумъ потемнѣлъ.

Дантонъ. Когда я былъ мальчикомъ — мы съ матушкой становились на колѣни передъ кроватью, складывали руки и молились Господу Богу о нашей семьѣ, объ урожаѣ, о хромомъ нищемъ, о королѣ. Луиза, я уйду въ темноту, и тамъ я хочу не помнить, не помнить ничего... Вотъ сладость смерти — забыть все.

Луиза. Господи, если бы я была умнѣе и постарше хоть немного. Вѣдь ты же любишь меня, Жоржъ? Вспомни, что ты говорилъ...

Дантонъ. Я ничего не забылъ. Съ каждымъ днемъ меня все больше тяготятъ воспоминанія. Сначала они шли въ одиночку, теперь бредутъ въ моемъ мозгу толпами. Я начинаю сознавать — да, это сдѣлалъ я, это мой грѣхъ. Слушай, я здѣсь сидѣлъ, зажигались огни, улицы затихали, стало такъ тихо, что я началъ слышать біеніе сердца и то, какъ шумитъ моя кровь. Этотъ шумъ былъ похожъ на прибой океана или на глухой говоръ

толпы. Я точно различалъ бѣшенные вопли и понималъ, что это въ тишинѣ воетъ моя кровь... Я даже различалъ слова: „Сентябрь, Сентябрь“. — Почему Сентябрь? Какое мнѣ дѣло до Сентября! Зачѣмъ онъ протягиваетъ ко мнѣ кровавыя руки? Я не убивалъ!

Луиза. Ты же помнишь, республика была на краю гибели.

Дантонъ. Да, да, республика погибла, если бы не я.

Луиза. Герцогъ Брауншвейгскій и прусскій король двигались къ Парижу.

Дантонъ. Городъ былъ полонъ дворянъ и предателей. Еще одинъ мѣсяцъ, и Франція оказалась бы раздавленной. Никто не могъ удержать народъ отъ кровавой расправы. И я одинъ взялъ всю отвѣтственность на себя.

Луиза. Ты спасъ родину.

Дантонъ. Ложь, ложь, ложь! Слова оправданія. Пять тысячъ ни въ чемъ неповинныхъ были зарѣзаны въ Парижѣ.

Луиза. Матерь Божія, помилуй насъ!

Слышны голоса. Свѣтъ факеловъ.

Дантонъ. Это за мной. Солдаты ищутъ меня. Идемъ домой, Луиза. Я не хочу быть пойманнымъ, какъ уличный воръ.

Онъ и Луиза уходятъ. Появляется Симонъ, нѣсколько гражданъ и солдаты съ факелами и ружьями.

Симонъ. Клянусь чортомъ — онъ гдѣ-нибудь здѣсь! Я видѣлъ, какъ сюда пробѣжала его жена. Римляне, помните — живымъ или мертвымъ, а мы его должны захватить. У кого изъ васъ фляжка, у меня пересохло горло. Дьявольски трудно быть честнымъ республиканцемъ. Римляне, если онъ улизнетъ въ Англію — республика погибла.

КАРТИНА ВОСЬМАЯ.

Революціонный трибуналъ. Верхнія скамьи заполняются публикой. На первомъ планѣ Фукье Тенвиллъ перелистываетъ бумаги, рядомъ съ нимъ Германъ.

Фукье. Ты боишься Дантона?

Германъ. Онъ будетъ защищаться. Съ остальными намъ справиться нетрудно.

Фукье. А Камиллъ Демуленъ?

Германъ. Ну, этотъ не опасенъ.

Фукье. У него есть нѣкоторыя заслуги въ прошломъ. Онъ первый началъ революцію.

Германъ. Онъ ее и кончитъ. Змѣя ужалитъ свой собственный хвостъ.

Фукье (складывая бумаги въ папку). Въ Конвентѣ Робеспьеръ побѣдилъ, пока что. Онъ говорилъ о чистотѣ принциповъ, о величіи духа и о жертвѣ. Депутаты слушали въ оцѣпенѣніи и ужасѣ. Каждый ждалъ, что вотъ, вотъ будетъ произнесено его имя и покатится голова. Когда же выяснилось, что Робеспьеръ требуетъ только выдачи Дантона и дантонистовъ, начались раболѣпные,

гнуснѣйшіе аплодисменты; это была минута величайшей подлости. Затѣмъ выступилъ Сенъ Жюстъ и съ ледянымъ спокойствіемъ философски доказалъ, что человѣчество въ своемъ движеніи всегда переходитъ черезъ трупы, что это также закономѣрно, какъ землетрясенія и изверженія вулкановъ. Сенъ Жюстъ успокоилъ совѣсть Конвента, и Дантонъ былъ выданъ намъ головой. Но все же,— это пока только половина побѣды. Дантонъ можетъ испугать присяжныхъ и возбудить народъ. А если его оправдаютъ?

Германъ. Этого не должно быть.

Фукье. Да, этого допустить нельзя. Ты увѣренъ въ присяжныхъ?

Германъ. Пришлось обойти законъ. Я выбралъ присяжныхъ не по жребію, а подобралъ самыхъ надежныхъ. На нихъ можно положиться.

Фукье. Такъ, такъ.

Германъ. Одинъ глухой, и обвиняемые могутъ кричать до потери голоса, онъ все равно ничего не услышитъ. Двое — пьяницы, они откроютъ ротъ только для того, чтобы сказать „виновенъ". Еще — одинъ художникъ и два скульптора,— голодные и сумасшедшіе ребята,— у нихъ принципъ: изъ революціоннаго трибунала одна дорога — на гильотину. Ну, и остальные довольно надежны.

Фукье. Но народъ, народъ... Посмотри, что дѣлается подъ окнами. (Оглянувшись, осторожно). Послушай, Германъ, если бы въ тюрьмѣ случился маленькій заговоръ, самый ничтожный?

Германъ. Заговоръ въ тюрьмѣ?

Фукье. Да. Предположимъ,— заключенные подкупаютъ сторожей.

Германъ. Такъ.

Фукье. Раздаютъ деньги народу. Вызываютъ возмущеніе въ городѣ.

Германъ. Такъ, такъ.

Фукье. Это бы очень поддержало обвиненіе.

Германъ. Да, ты правъ. (Громко). Пора начинать. Присяжные собрались.

Среди публики движеніе. Входятъ присяжные судьи, разсаживаются. Члены трибунала занимаютъ свои мѣста.

Первый гражданинъ. Да здравствуетъ республика! Да здравствуетъ революціонный трибуналъ!

Голоса въ публикѣ.

— Да здравствуетъ республика!

— Да здравствуетъ Робеспьеръ!

— Смерть тиранамъ!

— Долой диктаторовъ!

Второй гражданинъ. Мы требуемъ смертнаго приговора.

Голоса въ публикѣ.

— Смертный приговоръ тому, кто это крикнулъ!

— Тише, тише.

— Граждане, здѣсь заговоръ.

— Смерть заговорщикамъ!

Первый гражданинъ. Я требую закрыть всѣ выходы... арестовать.

Германъ (звонитъ). Введите подсудимыхъ.

Гулъ голосовъ, звонъ колокольчика; вводятъ Дантона, Камилла, Лакруа, Геро, Филиппо, Вестермана и другихъ.

Дантонъ (оборачиваясь къ публикѣ). Глядите,— рѣдкое зрѣлище: на скамьѣ подсудимыхъ—Дантонъ.

Голоса въ публикѣ.

— Захлебнись теперь въ собственной крови.

— Убійца! Мясникъ!

— Награбилъ золото въ Бельгіи. Изволь дать въ немъ отчетъ.

— Мы не забыли Сентября! Да, да, мы не забыли Сентября!

Германъ (звонитъ). Прошу тишины. Засѣдаданіе открыто. (Обращаясь къ Геро). Подсудимый, ваше имя?

Геро. Геро де-Сешель.

Германъ. Возрастъ?

Геро. Тридцать семь или тридцать восемь. Историки выяснятъ это съ большей точностью послѣ моей смерти.

Германъ. Родъ занятій?

Геро. Депутатъ. Членъ Конвента. Собиратель бабочекъ. Коллекціонеръ женскихъ перчатокъ. Ради Бога — все, что угодно. (Садится. Въ публикѣ смѣхъ, восклицанія).

Германъ (Камиллу). Ваше имя?

Камиллъ (съ гнѣвомъ). Ты его знаешь.

Фукье (поспѣшно). Камиллъ Демуленъ.

Камиллъ. Тебѣ то слишкомъ знакомо мое имя, Фукье Тенвилль. Я самъ посадилъ тебя на это кресло публичнымъ обвинителемъ.

Германъ. Вашъ возрастъ?

Камиллъ. Тридцать три года. Ровно столько, сколько было знаменитому санкюлоту Іисусу въ день смерти.

Голоса въ публикѣ.

— Браво!

— Хорошо отвѣтилъ...

— Ну ка — спроси его еще....

Германъ. Родъ занятій?

Камиллъ. Революціонеръ. (Садится, вскакиваетъ). Патріотъ. (Садится, вскакиваетъ). Народный трибунъ.

Голоса въ публикѣ.

— Браво!

— Браво, Камиллъ Демуленъ!

— Онъ вѣрно сказалъ. Онъ добрый патріотъ.

Германъ (Дантону). Подсудимый, ваше имя?

Дантонъ. Мое имя знаютъ всѣ.

Голоса въ публикѣ. Дантонъ... Дантонъ... Тише! Тише!

Германъ. Возрастъ?

Дантонъ. Мнѣ тридцать пять лѣтъ.

Германъ. Родъ занятій?

Дантонъ. Министръ юстиціи. Членъ Комитета Общественнаго Спасенія.

Германъ. Ваше мѣстожительство?

Дантонъ. Моимъ жилищемъ скоро будетъ ничто, а мое имя будетъ жить въ Пантеонѣ исторіи.

Голоса въ публикѣ.

— Браво, Дантонъ!

— Тише.

— Браво, Дантонъ, смѣлѣе! (Предсѣдатель звонитъ).

Камиллъ. Германъ, а ты спроси еще, сколько у Дантона зубовъ во рту. (Въ публикѣ смѣхъ).

Дантонъ (ударяетъ по баллюстрадѣ рукописью). Вотъ обвинительный актъ. Въ этой кучѣ дрянной бумаги чей то воспаленный ненавистью и страхомъ мозгъ трудился очернить, оболгать мое имя. Оскорбленіе нанесено не мнѣ, но революціи, исторіи, всей Франціи нанесена пощечина этимъ актомъ.

Германъ. Я васъ призываю къ порядку. Дантонъ, васъ обвиняютъ въ сношеніи съ дворомъ Людовика Шестнадцатаго: вы получали деньги изъ личныхъ суммъ казненнаго короля. Васъ обвиняютъ въ сообщничествѣ съ Мирабо въ цѣляхъ возстановленія монархіи. Васъ обвиняютъ въ дружбѣ съ генераломъ Демурье и съ жирондистами. Вы тайно сносились съ генераломъ, имѣя цѣлью возбудить армію противъ Конвента и двинуть ее на Парижъ. Вашей задачей въ этомъ случаѣ было возстановленіе конституціонной монархіи и возведеніе на престолъ герцога Орлеанскаго.

Дантонъ. Ложь!

Германъ. Итакъ, мы приступимъ къ чтенію обвинительнаго акта.

Дантонъ. Ложь! Я требую слова.

Германъ (звонитъ). Вамъ будетъ дано слово въ свое время...

Голоса въ публикѣ.

— Пусть говоритъ.

— Мы требуемъ, чтобы онъ говорилъ.

— Къ чорту формальности!

— Долой предсѣдателя!

— Долой революціонный трибуналъ!

Дантонъ. Пусть негодяи, оклеветавшіе меня, выступятъ открыто. Пусть явятся на судъ и съ открытымъ лицомъ нападутъ на меня. Нѣтъ, они предпочитаютъ скрываться, они знаютъ, что я уличу ихъ во лжи, заклеймлю позоромъ. (Сдержавшись, дѣлаетъ жестъ презрѣнія). А, впрочемъ, не все ли равно: я вамъ сказалъ — мнѣ надоѣло жить, я ухожу въ небытіе, а имя — его вы не отнимите у меня — будетъ внесено въ храмъ славы. Такіе люди, какъ я, рождаются въ столѣтіе разъ, на ихъ челѣ сіяетъ печать генія. (Вновь съ гнѣвомъ). Меня обвиняютъ въ раболѣпствѣ передъ дворомъ короля, въ сношеніяхъ съ измѣнникомъ Демурье? О, Сенъ Жюстъ, ты отвѣтишь за клевету! (Аплодисменты). Вы покушаетесь на мою жизнь, я долженъ защищаться, я это дѣлаю. Каждый пунктъ обвинительнаго акта я разобью, какъ глиняную химеру. Я васъ похороню, какъ подъ глыбой камня, подъ любой изъ моихъ заслугъ. Вы ихъ забыли? Напоминаю. Когда Лафайетъ разстрѣливалъ васъ изъ пушекъ на Марсовомъ полѣ, я

объявилъ войну монархіи. Десятаго августа я ее разбилъ. Двадцать перваго января я ее убилъ и, какъ перчатку, швырнулъ къ ногамъ монарховъ Европы окровавленную голову короля. (Бурные аплодисменты среди публики, крики). Пусть при чтеніи обвинительнаго акта присутствуютъ мои обвинители, я требую этого.

Германъ (звонитъ). Неужели вы не слышите звонка?

Дантонъ. Голосъ человѣка, защищающаго свою жизнь, долженъ заглушить звонъ колокольчика. Да. Въ сентябрѣ я поднялъ послѣднюю волну народнаго гнѣва, я заставилъ зарычать народъ такъ свирѣпо, что Брауншвейгскій не осмѣлился протянуть руку къ Парижу, и короли затрепетали. Я выковалъ народу оружіе изъ золота аристократовъ и богачей, и двѣ тысячи батальоновъ бросилъ на восточную границу... (Аплодисменты, крики, Дантону бросаютъ цвѣты).

Голоса въ публикѣ.

— Да здравствуетъ Дантонъ!

— Да здравствуетъ народный трибунъ!

— Долой трибуналъ!

— Мы требуемъ его освобожденія!

Германъ. Я объявляю перерывъ на десять минутъ.

Дантонъ. Вы видите Дантона? Вы узнали вашего вождя? Народъ, ты будешь судить меня. Твоему суду и справедливости я отдаю свою жизнь. (Рукоплесканія, крики).

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ.

Площадка передъ зданіемъ революціоннаго трибунала. Третій день процесса. Обѣденный перерывъ. Въ большое окно видно, какъ сторожа убираютъ залъ трибунала, метутъ полъ.

Симонъ (передъ окномъ, сторожу). Алло, Пашенъ, алло!

Сторожъ (выглядывая въ окно). Что тебѣ?

Симонъ. Я уже пообѣдалъ въ кофейнѣ трехъ трубокъ.

Сторожъ. Ну и вари себѣ на здоровье, если ты сытно пообѣдалъ.

Симонъ. Не въ томъ дѣло, Пашенъ. Пропусти-ка меня, старина, въ трибуналъ, я хочу занять мѣсто поближе. А вѣдь дѣло плохо, Пашенъ, — Дантонъ рычитъ такъ, что его слышно на другомъ берегу Сены. Весь народъ за Дантона. Судьи голову потеряли. И получается такъ, что Дантонъ судитъ революціонный трибуналъ. Что то будетъ? Скажу тебѣ по совѣсти, старина, я самъ ничего больше не понимаю, за кого мнѣ стоять — за Дантона или Робеспьера? И тотъ и другой мнѣ очень

нравятся, но кому то изъ нихъ нужно все-таки отрубить голову. Пойми меня, Пашенъ, я выпилъ передъ обѣдомъ три аперитива и впалъ въ страшную меланхолію: я не могу рѣшить. Мой патріотизмъ сбитъ съ толку.

Сторожъ. Иди, я тебя пропущу.

Симонъ уходитъ въ подъѣздъ и затѣмъ черезъ окно видно, какъ онъ проходитъ на мѣста для публики. На площадкѣ появляются Колло и Фукье.

Колло. Побѣда Дантона будетъ пораженіемъ революціи. Этихъ господъ необходимо убрать съ дороги какой бы то ни было цѣной, если бы даже пришлось прибѣгнуть къ кинжалу.

Фукье (нюхая табакъ). Обвиняемые требуютъ вызова въ судъ членовъ Конвента и Комитета Общественнаго Спасенія.

Колло. Но тогда мы погибли... Ни въ какомъ случаѣ!

Фукье. Это ихъ право. Законъ безсиленъ отказать.

Колло. Привлеки еще свидѣтелей обвиненія.

Фукье. Свидѣтели всѣ уже допрошены.

Колло. Найди новыхъ. Заплати имъ денегъ. Если подлость молчитъ за тысячу франковъ, то за сто тысячъ она распуститъ хвостъ.

Фукье. Дантонъ все время обращается къ народу. Возбужденіе въ залѣ и на улицѣ не поддается описанію. Судьи молчатъ и дѣлаютъ видъ,

что не слышать оскорбленій. Камиллъ, Лакруа и въ особенности Дантонъ такъ ругаются, что мы только почесываемся. (Протягиваетъ табакерку). Прошу. Я начинаю думать, что врядъ ли мнѣ придется еще разъ наполнить табакомъ мою табакерку.

Колло. Я говорилъ Робеспьеру: нужно было обождать, онъ слишкомъ рано началъ борьбу. Въ народѣ еще бродятъ дрожжи анархіи, еще не притупился вкусъ къ переворотамъ и мятежамъ. Идея государственной власти, желѣзной дисциплины еще не опирается на массы.

Фукье. А что Робеспьеръ?

Колло. Робеспьеръ, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, заперся у себя и пишетъ.

Входитъ Сенъ-Жюстъ.

Сенъ Жюстъ. Я тебя искалъ, Фукье. Только что полученъ мною доносъ изъ Люксембурга. Въ тюрьмѣ раскрытъ заговоръ. Гражданинъ Лафлотъ, осужденный за мошенничество, донесъ на генерала Диллона. Онъ подкупалъ сторожа. Сторожа я приказалъ взять подъ стражу и отвести къ тебѣ. Затѣмъ — жены Дантона и Камилла Демулена организовали раздачу денегъ народу. Готовится разгромъ тюремъ и покушеніе на взрывъ зданія Конвента.

Колло. Мы спасены!

Фукье. Есть свидѣтели?

С е н ъ - Ж ю с т ъ. Арестованы восемнадцать человѣкъ. Пока не предпринимай ничего. Я иду въ Конвентъ и заставлю его спѣшно издать декретъ. Процессъ будетъ продолжаться при закрытыхъ дверяхъ.

Ф у к ь е (захлопывая табакерку). Такъ! Это смертный приговоръ.

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ.

Тамъ же. Черезъ часъ. У рѣшетки толпится народъ, слушаютъ. Черезъ окно видны судьи, обвиняемые, часть публики.

Дантонъ (въ окнѣ). Республика въ опасности. Вы должны знать правду. Франціи грозитъ диктатура. Она высоко подняла голову. Она хочетъ перешагнуть черезъ наши трупы. Я обвиняю Робеспьера, Сенъ-Жюста, Кутона, Колло-д'Эрбуа въ государственной измѣнѣ. Они хотятъ утопить республику въ крови, разогнать Конвентъ и учредить директорію. Доколѣ же еще терпѣть? Народъ, ты требуешь хлѣба, а тебѣ бросаютъ головы. Ты томишься жаждой, тебя заставляютъ лизать кровь на ступеняхъ гильотины.

Голоса въ толпѣ.

— Долой диктаторовъ!
— Долой диктатуру!
— Долой, долой, долой диктаторовъ!
— Да здравствуетъ Дантонъ!
— Освободить Дантона!

Отдѣльный голосъ. Онъ правильно говоритъ: вмѣсто вина намъ даютъ кровь и отрубленныя головы вмѣсто хлѣба.

Женскіе голоса. Хлѣба, хлѣба, хлѣба, хлѣба!

Отдѣльный голосъ. Граждане, чего вы смотрите, они его убьютъ! Идемъ и разнесемъ трибуналъ. Дантонъ и хлѣба!

Голоса. Дантонъ и хлѣба! Дантонъ и хлѣба! Дантонъ и хлѣба! (Толпа напираетъ, нѣсколько солдатъ съ ружьями стараются ее оттѣснить).

Камиллъ (въ окнѣ). Я требую отдѣльной комиссіи. Я долженъ сдѣлать разоблаченія.

Дантонъ (въ окнѣ). Мерзавцы! Вы слышите, что кричитъ народъ? Держите крѣпко свои собственныя головы.

Германъ (въ окнѣ, въ растрепанномъ парикѣ). Я призываю васъ къ порядку. Имѣйте уваженіе къ суду.

Камиллъ. Поправь парикъ. Онъ попадетъ въ чернильницу. (Смѣхъ).

Лакруа (Герману). Поди и сядь лучше на свое мѣсто, негодяй!

Геро (Герману). Гражданинъ предсѣдатель, именемъ Ѳемиды заклинаю васъ — перестаньте звонить — у меня болятъ уши. (Смѣхъ).

Дантонъ. Требую прервать засѣданіе до созыва комиссіи.

Лакруа. Прервать засѣданіе!

Дантонъ. Я приказываю тебѣ прервать эту гнусную комедію!

Въ это время сквозь толпу къ двери протискивается Колло.

Колло. Дорогу, дорогу, дорогу! Декретъ Конвента! (Входитъ въ залъ суда).

Голоса въ толпѣ

— Это Колло д'Эрбуа.

— Кровопійца!

— Ты слышалъ, онъ сказалъ — декретъ.

— Опять какая-нибудь подлость.

— То-есть, какъ подлость? Декретъ Конвента.

— Одна шайка. Интриганы! Кровопійцы!

— А мы безъ хлѣба сидимъ.

— Освободить Дантона!

— Да здравствуетъ Дантонъ!

Фукье (которому что то передалъ Колло). Декретъ Конвента. (Мгновенная тишина). Конвентъ постановилъ: вслѣдствіе того, что въ Люксембургской тюрьмѣ обнаруженъ мятежъ, вслѣдствіе того, что гражданки Люси Демуленъ и Луиза Дантонъ раздавали народу ассигнаціи въ цѣляхъ поднять возстаніе, вслѣдствіе того, что генералъ Диллонъ сдѣлалъ попытку бѣжать изъ тюрьмы и стать во главѣ мятежниковъ, вслѣдствіе того, что обвиняемые принимали участіе въ этихъ преступныхъ замыслахъ и неоднократно оскорбляли судъ – военно-революціонному трибуналу предписывается продолжать судоговореніе безъ перерыва и вмѣняется въ право лишать слова защиты обвиняемаго, буде

онъ не обнаружитъ должнаго благоволенія передъ лицомъ закона.

Дантонъ. Я протестую, это не судъ, а простое убійство. Мнѣ зажимаютъ ротъ, чтобы ловчѣе перерѣзать глотку. Я спрашиваю весь народъ: глумились мы надъ трибуналомъ?

Голоса.

— Нѣтъ! Нѣтъ! Нѣтъ!
— Мы протестуемъ.
— Мы требуемъ отмѣны декрета!

Камиллъ (судьямъ). Мерзавцы! Вы хотите убить мою Люси!

Германъ. Я васъ лишаю слова.

Камиллъ. Такъ подавись же моимъ словомъ! (Комкаетъ рукопись и швыряетъ ее въ лицо Герману).

Германъ. Я объявляю высшую мѣру пресѣченія. Прошу публику очистить мѣста.

Голоса въ залѣ трибунала.

— Позоръ!
— Мы не уйдемъ.
— Убійцы!
— Протестуемъ.
— Позоръ! Позоръ! Позоръ!

Солдаты очищаютъ хоры.

Голоса въ толпѣ, у рѣшетки.

— Граждане, что же это такое?
— Развѣ это судъ!
— Идемъ, разнесемъ!

— Освободимъ. Да здравствуетъ Дантонъ!

— Позоръ! Позоръ!

— Убейте насъ! Стрѣляйте въ насъ!

— Все равно подыхать.

Дантонъ (въ окно протягиваетъ руки къ толпѣ). Граждане! Братья! Насъ убиваютъ!

Германъ. Закрыть окно.

Служители бросаются къ окну и закрываютъ его. Въ толпѣ сильное волненіе. Изъ двери наружу валитъ народъ, бывшій внутри на хорахъ.

Первый гражданинъ (стоя на ступенькахъ лѣстницы). А я васъ спрашиваю — почему въ Парижѣ нѣтъ хлѣба? Почему вы голодны? Дантонъ продавалъ хлѣбъ англичанамъ.

Голоса.

— Врешь. Дантонъ нашъ другъ.

— Дантонъ не станетъ продавать хлѣбъ англичанамъ.

— А ты почему въ этомъ увѣренъ?

Второй гражданинъ (взобравшись на фонарь). Дантонъ предатель.

Голоса.

— Кто говоритъ, что Дантонъ предатель?

— Робеспьеръ это говоритъ.

— Граждане, Робеспьеръ предатель.

— Кто это говоритъ?

— Это говоритъ Дантонъ.

Первый гражданинъ. Дантонъ роскошно одѣвается, у него дворецъ въ Севрѣ. Онъ ку-

пается въ бургундскомъ. Онъ бѣлымъ хлѣбомъ кормитъ охотничьихъ собакъ.

Голоса. О! О! О!

Первый гражданинъ. Дантонъ, покуда не съѣздилъ въ Бельгію, былъ такъ же бѣденъ, какъ и вы. Онъ награбилъ народныя деньги. Онъ получилъ отъ герцога Орлеанскаго пять милліоновъ франковъ.

Голоса. О! О! О!

Первый гражданинъ. Когда онъ былъ министромъ юстиціи, ему были переданы на храненіе пятьдесятъ милліоновъ и брилліанты проклятой австріачки. Гдѣ эти сокровища? Гдѣ отчетъ? Онъ его не представилъ.

Голоса. О! О! О!

Первый гражданинъ. Вы кричите — да здравствуетъ Дантонъ, долой Робеспьера. А вы знаете, какъ живетъ Робеспьеръ? За четыре года онъ не сшилъ себѣ даже новаго сюртука. Вы это знаете? Робеспьеръ истинный другъ народа, неподкупный и нищій.

Голоса.

— Да здравствуетъ Робеспьеръ!

— Да здравствуетъ Робеспьеръ!

— Долой Дантона!

— Смерть Дантону!

Симонъ. Чортъ меня возьми: смерть Дантону!

КАРТИНА ОДИННАДЦАТАЯ.

Тюрьма. Сводчатое помѣщеніе. Койки. На нихъ лежатъ Дантонъ, Камиллъ, Лакруа, Филлиппо и Геро. Въ сторонѣ столъ съ остатками ѣды. Входитъ сторожъ съ фонаремъ.

Сторожъ. Бываетъ — одни передъ смертью много ѣдятъ и много пьютъ, а другіе ничего не ѣдятъ и не пьютъ. (Смотритъ въ бутылки, въ тарелки). Эти все съѣли, все вино выпили. Нѣтъ вѣдь, чертовы дѣти, сторожу оставить, будто я не человѣкъ тоже. За годъ сколько пищи они перегубили. Ай, ай, ай! Не все ли тебѣ равно — натощакъ голову отрубятъ или ты сытый. А пьютъ и ѣдятъ безъ удовольствія: тошнитъ ихъ. Вспомнятъ и тошнитъ. (Освѣщаетъ фонаремъ койки). Спятъ молодчики. (Считаетъ, поднявъ палецъ). Разъ, два, три... (Геро поднимаетъ голову).

Геро. Кто это?

Сторожъ. Можетъ, еще спрятали гдѣ бутылку-то?

Геро. Это ты, Діогенъ. Ищи, голубчикъ, ищи.

Сторожъ. А куда спрятали-то?

Геро. Онъ далеко спрятанъ и глубоко, а завтра запрячутъ навсегда. Торопись.

Сторожъ. Ты про что говоришь?

Геро. Про человѣка, Діогенъ, про человѣка.

Сторожъ. Тьфу. А я говорю про бутылку.

Геро. Мы выпили все вино до послѣдней капли и уходимъ съ пиршества съ такой легкой головой, будто бы ее и нѣтъ на плечахъ.

Сторожъ. Ну, ладно, спите. (Звонятъ часы). Три часа. Скоро за вами придутъ. (Уходитъ, замкнувъ за собою дверь).

Лакруа. Здѣсь такое количество насѣкомыхъ — невыносимо. Я весь съѣденъ.

Геро. Ты не спалъ?

Лакруа. Нѣтъ. Конечно, не спалъ.

Геро. Съ завтрашняго дня насъ будутъ кушать насѣкомыя другого рода.

Лакруа. Да. Не говори объ этомъ. Нельзя.

(Въ окнѣ показывается луна, камера озаряется ея свѣтомъ).

Геро. Стоимъ на палубѣ отплывающаго брига. Родная земля удаляется, задергивается туманомъ и уходитъ въ воды океана. Это неизбѣжно, печально и, можетъ быть, лучшее мгновеніе жизни.

Лакруа. Я боюсь не смерти, а боли. Говорятъ — эта сотая секунды, когда топоръ перерѣзываетъ шею, иступлено мучительна и долга, какъ вѣчность. Какое было бы счастье достать яду.

Филиппо. Молчите. Я хочу спать. (Пауза). Если бы можно было избавиться отъ насѣкомыхъ. (Пауза). Республика—это просто мясная лавка. Насъ устраняютъ — превосходно. Но кто останется? Народъ безъ вождей. Страна безъ головы. Одно брюхо. Ради Бога, хотя бы намекъ на здравый смыслъ въ нашей казни! Мучительна — безцѣльность. Только одно — Робеспьеръ протянетъ еще лишніе два, три мѣсяца. Но и онъ попадетъ подъ топоръ. Весь цвѣтъ страны, весь геній народа срѣзанъ. Революція — величайшее предательство надъ страной: вызвать, выманить на свѣтъ, голову народа и ссѣчь ее.

Лакруа. Ахъ, не все ли теперь равно. Поздно.

Геро. Во всякомъ случаѣ — тамъ мы будемъ молчать. Это меня примиряетъ со смертью. Лакруа, не тащи съ меня одѣяло. Откуда то страшно дуетъ. Я бы не хотѣлъ, чтобы къ утру распухъ отъ насморка носъ.

Камиллъ слѣзаетъ съ койки, идетъ къ окну и на подоконникѣ пишетъ письмо.

Филиппо. Вотъ уже пять лѣтъ мы летимъ по стеклянной плоскости въ бездну. Ни секунды остановки. Эта стихія, буря въ человѣческомъ океанѣ — это революція. Какое ничтожество, возомнившее о себѣ ничтожество — человѣкъ!

Дантонъ. Они посмѣютъ отрубить мнѣ голову? Невѣроятно! (Встаетъ съ койки). Послушай,

Лакруа, ты можешь сознать это? (Начинаетъ ходить изъ угла въ уголъ).

Лакруа. Мнѣ тошно и гнусно. Я слишкомъ много съѣлъ, пища стоитъ комомъ въ желудкѣ.

Геро. Жонглеры, жокеи и цирковые акробаты, дѣлающіе сальто-мортале, никогда не ѣдятъ много передъ выступленіемъ. Плотный желудокъ слишкомъ тянетъ къ землѣ.

Филиппо. Сальто-мортале. Прежде нужно научиться ходить по землѣ, а Франція сразу начала дѣлать прыжки смерти — сальто-мортале.

Дантонъ. Я перестану быть? Но вѣдь никто изъ нихъ не понимаетъ, какъ нужно управлять страной. Какое ликованіе поднимется въ Англіи: французы сошли съ ума! (Берется за дверную рѣшетку и потрясаетъ дверь). Эй! Вы сошли съ ума! Эй! Люди! Революція сошла съ ума!

Голосъ изъ сосѣдней камеры. Не мѣшайте мнѣ спать.

Филиппо. Чей это голосъ?

Геро. Дантонъ, подожди! Это голосъ Андре Шенье.

Филиппо. Быть не можетъ!..

Дантонъ. Почему не можетъ быть? Я знаю — онъ давно былъ внесенъ въ проскрипціонные списки Робеспьера. Они арестовали бы Вольтера и Руссо. Казнить обыкновенныхъ людей... Это прежде всего — старо и скучно, вали ихъ хоть десятками. А вотъ поднять за волосы надъ эшафотомъ голову генія — о, такую роскошь можетъ себѣ по-

зволить не всякій народъ. Въ особенности завтра — счастливый день для парижанъ: разговоры передъ обѣдомъ, за рюмкой аперитива: — „а вы видѣли, гражданинъ, какъ онъ всходилъ на эшафотъ? Какая фигура! Какъ онъ оглядѣлъ площадь, откинулъ гриву... Какъ, не поморщившись, легъ и — хрясть“...

Геро. Въ особенности — женщины. Онѣ будутъ тебя видѣть во снѣ, Дантонъ. Завтра ночью сто тысячъ молоденькихъ женщинъ измѣнятъ съ тобою мужьямъ. Въ одну ночь сто тысячъ любовницъ! (Щелкаетъ пальцами).

Лакруа. Какъ будто пробили часы?

Дантонъ. Я вижу ясно эту минуту — выхожу изъ телѣжки на эшафотъ. Впереди — доска съ круглой дырой. Въ нее я долженъ просунуть голову. Тридцать пять лѣтъ я всходилъ по ступенямъ. Я взошелъ выше всѣхъ, чтобы тамъ послѣднимъ усиліемъ пролѣзть въ дыру, не шире моей шеи. Пролѣзть изъ жизни въ небытіе! Для этого можно было и не создавать Дантона. Много ли выйдетъ чернозему изъ меня? Горсти двѣ. Не хватитъ посадить артишокъ.

Камиллъ. Люсиль, Люсиль. О, дорогая моя Люсиль! (Склоняется головой на листъ письма и плачетъ).

Геро. О, дѣло дошло до слезъ. Приходится прибѣгать къ философіи. (Вытаскиваетъ изъ-подъ подушки книгу). Глава шестнадцатая.

Дантонъ (тихо). Мерзавцы! Мерзавцы!

Лакруа. Если бы знать — что тамъ за смертью? Если бы вѣрить.

Дантонъ. Во всякомъ случаѣ я хорошо воспользовался жизнью. Надѣлалъ много шуму на землѣ. Выпилъ много вина. Нужно уйти во время, чтобы не смердѣть. (Подходитъ къ Камиллу). Не нужно плакать. Ты пишешь Люси?

Камиллъ. Слушай. (Читаетъ). „Благодѣтельный сонъ сократилъ мои мученія. Небо сжалилось надо мной. Я видѣлъ тебя во снѣ, Люси. Я видѣлъ твою мать. Я цѣловалъ твои руки, твои губы, твое заплаканное лицо. Я проснулся со стономъ. И снова въ тюрьмѣ. Въ окошко свѣтитъ большая, холодная луна, такъ же, какъ всегда. Гляжу, Боже, какой тамъ холодъ! Какой холодъ! Люсиль, Люсиль, гдѣ ты“. (Зарыдалъ).

Дантонъ. Ну, ну.

Камиллъ. „Умоляю тебя — если ты увидишь завтра, какъ меня повезутъ, — молчи, не разорви мнѣ сердце, не закричи. Стисни зубы. Ты должна жить ради нашего ребенка. Говори ему обо мнѣ. Говори, что я хотѣлъ великаго счастья. Я хотѣлъ такой республики, какую обожалъ бы весь міръ. Я умираю, Люси, я вѣрю, что есть Богъ. За мою кровь, за мою любовь, за мои страданія Господь, быть можетъ, проститъ меня. Я вѣрю — когда-нибудь я увижусь съ тобою, Люсиль. Прощай, моя жизнь, моя душа, мое божество. Прощай, Люсиль, моя Люсиль. Моя дорогая Люсиль. Я чувствую, какъ убѣгаетъ берегъ жизни. Но мои связанныя руки еще обнимаютъ тебя и моя отдѣленная отъ туловища голова не отводитъ отъ тебя потухающихъ глазъ, Люсиль“.

Дантонъ. Да, Камиллъ. Въ эти дни я не вспомнилъ ни разу о моей женѣ. Бѣдняжка. Она беременна, она можетъ не перенести. У насъ не осталось вина? (Стукъ въ дверь).

Лакруа. Кто тамъ? Палачъ? (Часы бьютъ четыре).

Дантонъ. Пришли за нами. Простимся. Прощай, Камиллъ. (Обнимаетъ его). Будь мужественененъ до конца.

Геро (захлопывая книгу). Пора въ путь.

КАРТИНА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Площадь революціи, въ глубинѣ эшафотъ. Нѣсколько человѣкъ сидятъ на тумбахъ, на ступеняхъ крыльца. На углу группа женщинъ.

Симонъ. У меня прямо камень съ души свалился. Теперь я спокоенъ. Революція спасена. (Женѣ). Иди ты сюда, чего ты тамъ топчешься. (Окружающимъ). Пропустите ее, граждане. Она много работаетъ, у нея не хватаетъ времени — бѣгать смотрѣть на казни, а ужъ сегодня я самъ ее послалъ. (Женѣ). Становись вотъ здѣсь, отсюда будетъ все видать.

Жена. А мы не опоздали?

Симонъ. Вотъ она у меня какая. (Похлопываетъ)

Первый гражданинъ. Да, зрѣлище будетъ внушительное. Послѣ казни Людовика Капета это, пожалуй, второе по торжественности.

Второй гражданинъ. Жаль, что при такихъ зрѣлищахъ не могутъ присутствовать посольства иностранныхъ державъ.

Первый гражданинъ. Нѣтъ, прости, — именно въ этомъ и величіе, чтобы такого рода казни происходили при будничной обстановкѣ.

Симонъ. Римъ, настоящій Римъ! (Женѣ). У тебя что въ корзинкѣ?

Жена. Я взяла вареныхъ бобовъ и вина, больше ничего не взяла.

Симонъ. Давай сюда.

Жанна. Нѣтъ, нѣтъ, Розалія, уйдемъ.

Розалія. Молчи, уходить опасно. Я должна его видѣть.

Симонъ (протягивая бутылку). Граждане, не хочетъ ли кто подкрѣпиться?

Первый гражданинъ. Это красное? Нѣтъ оно крѣпитъ. Натощакъ нужно пить только бѣлое вино.

Второй гражданинъ. И не бургундское, а именно бордосское, кисловатое.

Симонъ. Съ этимъ я не согласенъ, у меня, граждане, слабый желудокъ.

Гражданинъ въ парикѣ (гражданину съ книжкой). Правосудіе здѣсь не при чемъ. Эта казнь послѣдняя отчаянная попытка остановить бѣшенныхъ коней, швырнуть имъ подъ ноги трупъ.

Первый гражданинъ. Ого! Кто это тамъ разговариваетъ?

Гражданинъ съ книжкой. И, кромѣ того, дюжиной этихъ господъ будетъ меньше. Спокойствіе и терпѣніе.

Жанна. Везутъ, везутъ! Розалія, ты слышишь, какъ стучитъ телѣжка?

Розалія. Я поклялась Геро, что умру съ нимъ въ одинъ день. Когда упадетъ его голова въ корзину, я пойду къ Божьей Матери, попрошу простить меня и, Жанна, Жанна...

Появляется Люси, останавливается и смотритъ на эшафотъ.

Второй гражданинъ. Пришла.

Первый гражданинъ. А вѣдь, кажется, былъ приказъ объ ея арестѣ?

Жена Симона. Кто же это такая?

Симонъ. Ничего, ничего, пускай посмотритъ.

Люси (указывая на эшафотъ). Это для него. (Къ ней подходитъ женщина съ шалью). Я спрашиваю — это для него построили?

Женщина съ шалью. О, сударыня, уйдите отсюда, прошу васъ.

Люси. Его заставятъ взойти по этимъ ступенькамъ? Ну, а дальше, дальше что будутъ дѣлать?

Женщина съ шалью. Позвольте, я отведу васъ домой, сударыня.

Люси. Нѣтъ, оставьте меня. Слушайте... Я его люблю... Я его жена.

Женщина съ шалью. Я знаю.

Люси. И свѣтъ не погаснетъ? И ничто не дрогнетъ? И земля не расколется? Этотъ ножъ долженъ упасть?

Женщина съ шалью. Господь соединитъ васъ.

Люси. Не вѣрю... Не могу...

Голоса. Везутъ... Везутъ... Везутъ...

Люси. Камиллъ! Камиллъ! (Бѣжитъ навстрѣчу осужденнымъ. Гулъ голосовъ).

Тамъ же. У эшафота телѣжка, съ нея первый сходитъ Геро со связанными руками и наклоняется къ Дантону, чтобы поцѣловать. Палачъ оттаскиваетъ его.

Геро. Прощай.

Дантонъ (палачу). Мерзавецъ, ты не помѣшаешь нашимъ головамъ поцѣловаться въ корзинѣ.

Розалія (кричитъ). Геро, прощай.

Геро (на минуту остановившись на эшафотѣ, поднимаетъ голову). Подожди, въ послѣдній разъ. (Глубоко вздыхаетъ). Теперь идемъ. (Палачъ уводитъ его направо, на эшафотъ, къ ножу).

Розалія. Геро! Геро!

Камиллъ (который сидѣлъ до этого, закрывъ лицо руками, стремительно встаетъ). Я пойду самъ. (Народу).

Вотъ конецъ перваго апостола свободы. (Слышенъ глухой звукъ). Нѣтъ, пустите меня! (Его удерживаютъ). Убійцы не надолго переживутъ меня. (Палачу). Отдай эти волосы моей женѣ. (Его увлекаютъ направо).

Дантонъ. Прощай, Камиллъ! (Поднялся медленно, почти сонно, на эшафотѣ выпрямился, окинувъ взглядомъ толпу).

Симонъ. Доброй ночи, Дантонъ.

Первый гражданинъ. Дантонъ, не захлебнись.

Второй гражданинъ. Не ушиби голову въ корзинѣ.

Гражданинъ съ книжкой. Да, онъ внушителенъ.

Гражданинъ въ парикѣ. Великолѣпная фигура.

Дантонъ. Наглядѣлись на меня, бѣдные люди? Прощайте... Я оставляю вамъ мою славу. (Отталкиваетъ палача). Я не нуждаюсь въ твоей помощи. О, жена моя... Нѣтъ, Дантонъ, довольно слабости. Ты, палачъ, покажи мою голову народу, она стоитъ этого.

Его уводятъ, трещатъ барабаны... Тишина... Слышенъ тяжелый ударъ ножа.

Цѣна шесть руб.